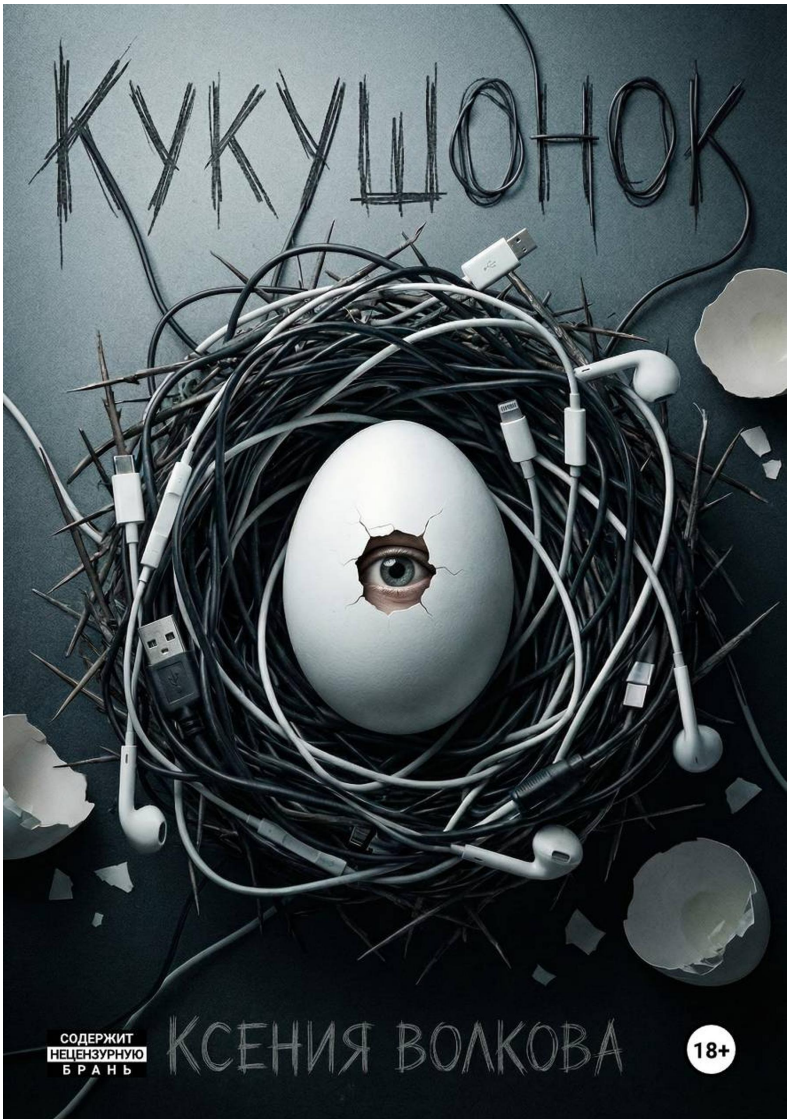
Кукушонок



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Ксения Волкова

18+

Ксения Волкова
Кукушонок

https://litres.ru/73431613
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда Паша и Лиза забрали к себе осиротевшую племянницу, они думали, что спасают ребенка, пережившего страшную трагедию. Двенадцатилетней Ксюше, потерявшей мать, нужны были лишь любовь, забота и безопасный дом. Но вместе с девочкой с глазами испуганного олененка в их московскую квартиру вошел расчетливый, хладнокровный хищник. Ксюша не просто ищет тепла она хочет получить всё. Шаг за шагом, манипулируя чувством вины и мужским эго, она вытесняет беременную Лизу из жизни мужа. И пока жена безуспешно пытается доказать, что они пригрели на груди чудовище, Паша сам, добровольно, закрывает глаза на пугающую правду. Это гипнотический психологический триллер о том, как легко разрушить семью, если у тебя лицо невинного ребенка и разум гениального социопата. На что вы готовы закрыть глаза, когда монстр называет вас своим героем?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 29
Глава 3 53
Глава 4 69
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Ксения Волкова
Кукушонок

Глава 1

Есть такая известная песня – «Лето – это маленькая жизнь». А июль – макушка лета. Но этот июль в Москве превратился в маленькую смерть. Он методично дожевывал город. Вяло, лениво, без аппетита. Ему тоже было жарко. Жара в спальне стояла такая, что воздух, которому по законам физики полагается быть газообразным, казался твердым предметом. Его приходилось втягивать в себя силой, проталкивать в легкие, и на языке оставался привкус пыли и выхлопных газов с улицы. Открытое окно не спасало, скорее наоборот — с улицы тянуло не прохладой, а тяжелым, жирным духом плавящегося асфальта. В то утро я хотел быть не человеком, а пятном на простыне. Не двигаться. Не существовать. Прикинуться ветошью и не отсвечивать.

Но у солнца было свое мнение.

Чертов луч нашел-таки щель в шторах. Он не просто светил — он целился. Ударил в глаз тонкой, раскаленной спицей. Я дернулся, зашипел, натягивая одеяло на голову, но спасения там не было — под одеялом духота становилась совсем невыносимой.

Лиза, блин! Опять шторы раздернула! У нас с ней вечная, вялотекущая война за темноту. Я баррикадируюсь, заклеиваю щели, строю бункер, а она с упорством маньяка вскрывает оборону. Ей нужен свет. Ей нужно, чтобы солнце выжигало сетчатку. Сегодня она снова взяла верх.

Я спустил ноги с кровати. Ламинат был теплым, почти горячим. Неприятно. Пошарил ступней. Пусто. Зато из коридора доносился звук — влажный, утробный хруст. И тяжелое, довольное сопение. Боцман. Наш лабрадор, который где-то в глубине души явно считал себя термитом (хотя, как по мне, не термит он – козёл!). Он не грыз тапок — он его разбирал на атомы. С чувством, с толком, с расстановкой. Третья пара за месяц превращалась в кучку слюнявых ошметков. Убирать их на ночь под подушку уже стало в нашей семье нездоровой традицией, но… я забывал… иногда забывал.

Я набрал воздуха, чтобы рявкнуть, шугнуть пса (хотя ему глубоко пофиг на мои крики), но тишина в квартире показалась мне... странной. Неправильной. Она была слишком плотной. Натянутой.

— Лиз? — позвал я, но ответом была тишина. Вернее, не совсем тишина. С кухни доносился странный звук. Не звон посуды, не шум воды. Какой-то сбивчивый, приглушенный бубнеж. Она явно с кем-то говорила по телефону, но интонация мне не понравилась. Она то ли задыхалась, то ли всхлипывала. В девять утра в субботу так не разговаривают — ес-

ли только не случилось чего-то непоправимого.

Я сел на кровати. Позвоночник хрустнул, напоминая, что гарантийный срок организма истекает. Ощущение было такое, будто меня разобрали, а потом собрали заново, но пару деталей забыли, а инструкцию потеряли. И тут дверь открылась. На пороге стояла Лиза.

Я посмотрел на неё — и остатки сна смыло. Словно ледяной водой в морду плеснули. Она была серой. Не бледной, а именно серой, цвета той пыли, что лежит годами на подоконнике. Губы сжаты так, что побелели, хотя нет... скорее даже посинели. Телефон в руке пляшет, выписывая кренделя — дрожит, бьется о кольца на пальцах. Дзынь. Дзынь. И взгляд. Она смотрела не на меня. Она смотрела сквозь меня, как в фильме "Привидение", сквозь стену, куда-то туда, где мир уже кончился. За всё время, что мы вместе, такой Лизу я не видел ещё ни разу.

— Паш... там... в общем... — она запнулась на полуслове, как будто слова жгли её изнутри. — Сестра моя... Маша. Из полиции звонили… Пенза… Она... пожар был. Сгорела она, Паш.

Я замер, так и не дотянувшись до футболки. Рука зависла в воздухе. Я явно чего-то не догонял. От слова совсем. Сестра? Она, что, бредит?

— Погоди, — я тряхнул головой, пытаясь прогнать остатки сна. — Какая еще Маша? Какая нафиг сестра?

Сколько мы женаты? Два с половиной года, даже больше,

и это хоть и небольшой, но достаточный срок, чтобы узнать человека как следует. Я знал о Лизе всё — или думал, что знаю. Любимый сорт кофе, страх высоты, привычку грызть ручку, когда злится. Но «сестра» в этот список не входила. В моей картине мира Лиза была единственным ребенком, выросшим в казенных стенах интерната в городе Пенза.

— Ты мне не говорила, — сказал я, стараясь, чтобы голос не звучал обвиняюще. Получилось не очень. — Мы почти три года знакомы, Лиз. Я только сейчас узнаю, что у тебя есть… то есть была сестра?

Она опустила голову. Плечи вздрогнули.

— Я не хотела... — выдавила она. — Мы после детдома почти не общались. Разошлись, как в море корабли. Маша в Пензе осталась, дочку от какого-то хмыря родила в девятнадцать, а он её и бросил сразу же. Замуж вроде так и не вышла. Мы с ней... ну, не ладилось у нас. Характер у неё, конечно... А теперь ее нет. Просто нет. Понимаешь?

Она вдруг вскинула голову и почти закричала:

— Мне ехать надо! Прямо сейчас! Там же... там дела, похороны, я не знаю... У нее же нет никого, кроме меня…

Я встал и подошел к ней. Наступил босой ногой на огрызок тапка, но даже не поморщился.

— Нам, — поправил я, обнимая её за плечи. — Мы едем вместе.

Лиза уткнулась мне в ключицу и наконец-то разревелась по-настоящему, содрогаясь всем телом. Я гладил её по во-

лосам и думал о том, сколько еще таких «закрытых комнат» скрывается в душах людей, которых мы считаем самыми близкими.

— Спасибо... — донеслось откуда-то снизу, из-под моего подбородка.

Я просто кивнул, глядя на залитую солнцем спальню. Суббота официально закончилась, так и не успев начаться. Впереди была Пенза, чужое горе и правда, которую Лиза так долго пыталась оставить за закрытой дверью.

Свадьба Генки, моего старинного друга, ещё с армии. Начало августа, жара плюс тридцать, кондиционеры в ресторане сдохли на этапе закусок. Я помню тот день, как будто вчера было...

Рубашка прилипла к спине, а тамада был настолько плох, что хотелось воткнуть вилку себе в ногу, лишь бы пластинку сменить. Лиза была там, но отнюдь не гостьей. Она убирала со столов. Кейтеринг — слово красивое, а суть дрянная: таскай грязную посуду, пока не отвалятся ноги, и уворачивайся от пьяных рук, норовящих схватить за задницу.

Я вышел курить на задний двор, к мусорным бакам. Просто чтобы не слышать очередной дежурный тост «за молодых», от которых уже блевать хотелось. Она была там. Сидела на ящике из-под пива, сняв одну туфлю, и разминала пальцы ног. В зубах — незажжённая сигарета, тонкая, женская. Что я в ней тогда увидел? Красоту? Некую «усталую грацию»? Ничего подобного. Просто человек, который за-

долбался вусмерть. Она подняла глаза. Серо-зеленые, злые.

— Прикурить не найдется?

Я дал зажигалку. Руки у неё реально уже тряслись от усталости. Ногтей нет, сострижены под корень. Мы простояли там минут десять. Она курила жадно, втягивая щеки, а я смотрел, как дым уходит в раскаленное небо. И меня переклинило. Не жалость. Скорее, узнавание. Я увидел в ней что-то своё. Такое же поломанное. Телефон я не выпрашивал. Она сама написала номер на салфетке, сунула мне в карман и вернулась к своей грязной посуде.

Два года, одиннадцать месяцев и восемь дней. Я, в отличие от большинства мужиков, помню. Поженились быстро, даже слишком, честно, сам от себя не ожидал. Я – закоренелый холостяк со стажем, сдался без боя. Свадьба, простая донельзя, не то, что у Генки. ЗАГС, Мендельсон, штамп, ужин с родителями. Ну, и пара моих друзей, во главе всё с тем же Генкой, пара её подружек, имён которых я тогда даже не запомнил.

Лиза поначалу пыталась изображать столичную штучку, у которой просто «трудный период в жизни. Ага… ну конечно… нашла дурака. Я терпел месяц. Потом сказал:

— Лиз, хорош звиздеть.

Она, конечно, сначала начала изображать оскорбленную невинность», но быстро сдулась, видимо самой врать надоело. Ну, и вывалила всё как есть. Родом с Пензы. Детдом, вернее, интернат №4. После выпуска, прямо сразу – покорять

столицу, по проторенной кучей таких же наивных провинциалочек, дорожке. Дальше всё банально до жути: провал в институте, общага, череда работ, в основном на подхвате… в общем, случайные заработки. Ну, и ранний брак с каким-то уродом (куда ж без этого), долги, беготня от коллекторов. Стандартный набор выживания.

Как лишилась родителей – не рассказывала. Я пытался несколько раз вывести её на откровенный разговор, но она всегда избегала этой, явно неприятной для неё, темы. Ну, я и решил не лезть человеку в душу. Захочет – сама расскажет.

Мы жили нормально. Притерлись быстро. Я привык к её разбросанным ватным дискам, она — к моим носкам в самых неожиданных местах и постоянным задержкам на работе (тогда я еще горбатился «на дядю»).

Лиза практически сразу заговорила о ребенке. Для нее это был больной вопрос. Нет, ну я тоже хотел, даже очень, но, в отличие от неё, без фанатизма. Мы пытались. Честно. Ещё до свадьбы начали, никакого предохранения, в принципе. Но… не получалось. Почему? Это и была самая большая загадка.

Врачи разводили руками: «Оба здоровы, анализы в порядке, патологий нет. Ждите, природа сама решит». Но природа оказалась дамой капризной и, судя по всему, никуда не торопилась. Я-то был готов и подождать, не старые же ещё. Мне тридцать два, Лизе двадцать девять только исполнилось за неделю до свадьбы.

А вот для Лизы это ожидание превратилось в её личный,

персональный ад. Желание стать матерью переросло в навязчивую идею, в настоящую манию. Наш настенный календарь напоминал карту боевых действий: красные кружочки, крестики, дни овуляции, «благоприятные окна». Секс перестал быть удовольствием, быть тем, чего хочешь. Он превратился в работу по графику, причём работу без отпусков и выходных.

«Паша, пора!» — и неважно, устал я на работе, хочу спать или просто не в настроении. Надо — значит надо. Дошло до того, что я стал ждать её месячных, как праздника.

Она, с упорством маньяка, перерыла весь интернет, все эти мамские форумы и сайты с народной медициной. В квартире повсюду валялись пучки каких-то странных трав, от отваров которых на кухне воняло, хуже, чем на болоте. «Боровая матка», «Красная щетка» — я выучил эти названия наизусть, они мне до сих пор в кошмарах снятся. Она и меня заставляла их пить, да ещё и какие-то сомнительные БАДы, от которых у меня вся рожа опухала, а глаза превращались в щелочки. После секса меня больше никто не обнимал, не целовал и не говорил «люблю». Лиза, после каждого акта сразу же становилась в «березку» и стояла так по полчаса, задрав ноги на стену, потому что где-то вычитала, что так «сперматозоиды лучше доходят». Ну бред же! Только ей хрен докажешь…

Верила в приметы, покупала фикусы (говорят, помогают забеременеть), развешивала по квартире картинки с анге-

лочками. Всё было бесполезно. Тест показывал одну полоску. Лиза рыдала в ванной, потом вытирала слезы и с остервенением начинала новый цикл.

Однажды она заикнулась про усыновление. Осторожно так, за ужином, прощупывая почву. Мол, Паш, столько брошенных деток, давай возьмем малютку, воспитаем как своего, полюбим... Я тогда отрезал жестко: «Нет». У меня, наверное, сработал этот пещерный инстинкт собственника — мне нужна была моя кровь. Мои гены. Чтобы нос мой, уши мои, характер мой. Эгоистично? Возможно. Но воспитывать чужого ребенка я был не готов, я себя знаю. Чужое есть чужое.

Тогда Лиза заговорила об ЭКО. Для неё это был последний шанс, свет в конце туннеля. Она притащила буклеты из клиники, расписала схему. А для меня это стало красной тряпкой. Я встал в позу. Начитался в интернете всяких жутей, насмотрелся историй про знаменитостей, которые сгорали от рака буквально за год после мощной гормональной стимуляции. Форумы пестрели заголовками: «сделала ЭКО — через год глиобластома», «родила долгожданного сына и умерла». Я боялся. До дрожи, до холодного пота боялся её потерять.

— Никаких пробирок, — сказал я тогда, глядя в её заплаканные, полные мольбы глаза.

— Ты не хочешь детей!

— Я не хочу вдовцом остаться, Лиз. Ты мне живая нужна. Мы здоровы! Врачи патологий не видят. Сами сможем.

Давай еще попробуем, время есть.

Мы орали друг на друга. Били посуду. Она швыряла в меня эти буклеты, я орал, что не дам ей гробить здоровье ради пробирки. Мы так и не договорились. Зависли в холодной войне.

И вот теперь. Суббота. Утро. Огрызок тапка. И новость, которая выбила пробки. Оказывается, у Лизы есть дубликат. Сестра-близнец. Маша. О которой она молчала почти три года. Скрывала не просто факт. Скрывала целый пласт жизни. И судя по тому, как тряслись её руки, когда она говорила про пожар, там, в этом прошлом, было что-то похуже, чем просто «не сошлись характерами».

Мы ехали на моей «Тойоте». Боцмана я отцу сбагрил. Слава богу есть у меня такая опция. Соврал что-то там про командировку в глушь, в Саратов (в моем случае – в Пензу), где нет связи, и медведи с балалайками ходят. Батя только бровь поднял, но собаку забрал молча. Он у меня старой закалки: меньше знаешь — крепче спишь.

Трасса М5 — это бесконечная серая лента, зажатая между фурами и лесополосой. Лиза молчала километров двести. Смотрела в боковое стекло, на мельтешение ёлок вперемешку с берёзами, на заправки. Слова из неё приходилось клещами вытягивать.

— Родители погибли, когда нам двенадцать было. Газ. — Голос глухой, придушенный. — Колонка газовая, старая. Сломалось там что-то… не помню уже. Мы с Машкой у по-

други были, на днюхе. Торт ели. Домой пришли, а там…

— А как же родственники?

— Да не было никого. Ну… почти. Тетки там какие-то, седьмая вода на киселе, но мы им нафиг не упали. Два лишних рта... у самих семеро по лавкам. Нас в детдом определили.

— Хоть не разлучили, повезло.

Лиза повернулась от окна. Посмотрела на меня каким-то мутным, тяжелым взглядом.

— Ну, как сказать… Уж лучше б разлучили. Она покрутила в руках пустой бумажный стаканчик из-под кофе. Сжала его так, что картон хрустнул. — Маша была... с браком, Паш. Мы близнецы, внешне — один в один, а прошивка разная. Она злая была. Не вредная, а именно злая. По-настоящему.

Ближе к Пензе её прорвало. Видимо, надо было выблевать весь этот яд, пока мы не доехали до морга.

— Паш… она актрисой была. Гениальной. С родителями — ангелочек. Уси-пуси… «Мамочка, папочка». Глазки в пол, ресничками хлоп-хлоп. А я в углу стояла. Потому что просить не умела, стеснялась, скромная слишком, за что и огребала по полной. Машке — всё. Игрушки, шмотки, внимание. Она смяла стаканчик в плотный комок.

— Если у меня что-то появлялось — она просто зверела. Как это так – у этой есть, а у неё нет. Выманивала, а если не получалось - отбирала. Или воровала. А если я жаловаться бежала — она так ситуацию выворачивала, что я же ещё и

виноватой оставалась. Получалось, что я, такая нехорошая, ябеда, стукачка, наговариваю на бедную девочку. Меня же и наказывали, а эта ходила, ржала надо мной.

— И родители верили? Прямо всегда?

— Ну, до поры до времени... Пока совсем жесть не пошла.

— Какая жесть?

Лиза замолчала. Смотрела на фуру впереди, на грязные брызговики.

— Дверь она соседскую подожгла. Прикинь? Скучно ей было, развлечений мало. Взяла спички, пошла да подожгла. И стояла, смотрела, как дермантин плавится, как вата внутри занимается. Сосед поймал, за руку, с поличным. Мусор шёл выносить и увидел. Скандал был на весь дом… Отец её тогда выпорол. В первый раз в жизни ремень взял, хотя всегда говорил: «это не мой метод».

Она судорожно вздохнула. — А потом собака. У нас дворняжка мелкая во дворе жила, безобидная, смешная такая, уши длинные, смесь бульдога с носорогом, в общем. Машка её палкой...

Лиза зажмурилась. — Забила. Просто стояла и била. Молча. Я в окно видела. Мужики еле оттащили. Кровищи было... Представляешь, у неё на платье кровь, на лице, а ей пофиг, стоит и бьет… Ей одиннадцать всего было. Родители тогда реально испугались. Шептались на кухне ночами. Соседи её стали стороной обходить… Отец орал, что девку лечить надо, что она на всю башку больная, в психушку надо сдать,

пока она кого-нибудь не прирезала. Хотели в диспансер отвезти, на обследование. Не успели. Газ… и… и всё.

— А в детдоме? — спросил я, перестраиваясь в левый ряд.

— Ууу… в детдоме. Там у неё тормоза совсем отказали. Выживать надо было. Машка быстро вписалась, кодлу вокруг себя сколотила, таких же девчонок отмороженных. А меня… меня травила. Представляешь? Родную сестру! Близнеца! Стучала воспитателям, тёмные мне устраивала. Но это ладно, проехали, как говорится. Там похуже кое-что было...

Мы проехали знак «Пензенская область». Асфальт резко стал хуже, машину затрясло на стыках.

— Парень у меня был. Перед выпуском, за пару месяцев. Первая любовь, сопли, прогулки под ручку за котельной. Я думала — навсегда. Ну, и он тоже говорил «люблю». Планы уже строили…

— И?

— И Машке завидно стало. Как всегда. Ей-то он нафиг не нужен был. Ей нужно было мое забрать. Она горько усмехнулась. — Мы же одинаковые. Она подкараулила его вечером. Прикинулась мной. Переспала. А когда вскрылось — сказала ему, что я шлюха. Что я всему интернату даю, а из себя целку строю.

— А на самом деле?

— Да не было у меня никого! Я девочка была! — выкрикнула Лиза так, что я дернулся. — А он поверил. Машка его попользовала месяц и бросила. Как использованную салфет-

ку. Ей нужен был не он. Ей нужно было меня растоптать.

Она вытерла лицо ладонью. Резко, зло. — Я поклялась тогда, что не прощу. Сдохну, но не прощу.

Я взял её за руку. Пальцы были ледяные.

— А теперь... — она посмотрела на меня красными, опухшими глазами. — Теперь всё. Едем хоронить. И знаешь, Паш... Пусто как-то. Злость ушла. Перед смертью это всё — пыль.

После выпуска они разлетелись. Лиза — в Москву, Маша осталась в Пензе. Связь — пунктиром. Раз в год смс на день рождения. «Жива, родила, работаю». Я крутил руль и думал. Каково это — знать, что где-то ходит твоя точная копия, способная забить собаку палкой ради развлечения? И каково ехать туда, где эта копия превратилась в пепел?

Пенза в июле — это духовка, которую забыли выключить. Ветра нет. Солнце жарит через серую дымку так, что к обеду рубашка становится мокрой насквозь и липнет к спине. Пыль везде. Окно в машине откроешь на минутку – торпеда вся пыльная. Протирай – не протирай, толку чуть.

Лиза носилась по городу, как заведенная. Видимо, боялась остановиться. Потому что если остановишься — накроет. Морг. ЗАГС. Контора ритуальных услуг, где продавщица с фиолетовыми тенями и трауром под ногтями деловито впаривала нам гроб с «элитной обивкой». Я ходил следом, работал банкоматом и водителем. Кивал. Платил. Подписывал.

А потом в уравнении появилась новая переменная. Ксения. Ксюша. Двенадцать лет. Самый дрянной возраст. Ты уже не милый пупс, но еще и не взрослый человек, способный отвечать за свои закидоны. Опека сработала быстро, как конвейер на птицефабрике: девчонку упаковали в интернат. Родственников — ноль, если не считать Лизу, о которой в Пензе этой уже сто лет, как забыли, и если бы полиция не нашла контакт где-то в облаке, то и не вспомнили бы.

Мы сидели в машине у ворот интерната. Здание старое, из силикатного кирпича, который от времени стал похож на грязную губку. Окна первого этажа закрашены белой краской до половины. Чтобы дети на улицу не глазели? Или чтобы с улицы не видели детей?

Лиза крутила обручальное кольцо. С остервенением. Кожа вокруг покраснела.

— Паш... Она смотрела на облезлый фасад. — Она там одна. Как мы с Машкой когда-то. Те же двенадцать. Голос у неё сел.

— Ты не знаешь, что это за место. Это отстойник. Тебя там нет. Есть единица учета – инвентарный номер. Койко-место. И запах этот... казенный. Он потом годами не выветривается, въедается в тебя намертво.

Она повернулась ко мне. Глаза, как у собаки.

— Давай заберем? Я не смогу уехать, если оставлю её здесь. Ну родная же, племянница… Я жрать не смогу, Паш. Спать не смогу. Она набрала воздуха в грудь.

Ну всё, приплыли… Сейчас начнется. Про долг, про кровь, про «мы же люди». Я видел, как её трясет.

— Оформляй, — сказал я.

Лиза поперхнулась заготовленной речью. — Чего?

— Иди в опеку. Узнавай, какие справки нужны. Забираем.

Никакого благородства. Просто усталость. Я понимал: если мы уедем одни, Лиза себя сожрет. А заодно и меня. Жить с женщиной, которая каждую ночь воет в подушку от чувства вины — так себе перспектива. Проще забрать. Ничего, потерплю как-нибудь. Тем более Лизу я любил. По-настоящему. А когда любишь, то готов на многое, даже на багаж в виде напуганного подростка с сомнительной наследственностью.

В опеке нас принимала крупная дама, напоминающая школьного завуча, уставшего от смены поколений. Антонина Петровна. Она долго, как пограничник-зануда, изучала наши паспорта. Сдвигала очки на кончик носа, смотрела на фотографию, потом на оригинал. Наконец, когда ей надоело это занятие, она горестно вздохнула и посмотрела на нас почти с жалостью.

— Значит, решили облагодетельствовать? — голос у неё был сухой, из тех, что принято называть «канцелярским». — Дело хорошее. Богоугодное. Только я вас, голубчики, предупредить обязана. Ксения — девочка... специфическая. У Марии, говорят, характер был далеко не сахар, а дочка её и вовсе экземпляр непростой. Скрытная, вредная, колючая. С

коллективом не ладит. Я бы на вашем месте сто раз подумала. Опека — это ведь вам не котенка на улице подобрать. Это на всю жизнь.

Она помолчала, сняла очки и потерла переносицу, словно решаясь на что-то неформальное.

— И еще. Злая она. Не по-детски.

— Хамит? — спросил я, мечтая только об одном: выйти на улицу и закурить.

— Если бы, — Антонина Петровна поморщилась. — Хамство — это мы лечим. Быстро. Тут другое. Холодная она. Как рыба.

— В смысле? — не понял я.

— В прямом. Вот вчера ЧП у нас было. Пацан мелкий, новенький, палец дверью прищемил. Железной дверью, в изоляторе временном. С размаху.

Чиновница потерла шею. — Ноготь сорвало, мясо висит, кровища хлещет. Пацан орет дурниной, аж уши закладывает. Дети в истерике, кто ревет, кто воспитателя зовет. Паника. Она сделала паузу, глядя на нас тяжелым взглядом. — А Ксения ваша сидит рядом. На лавочке. И смотрит. Не испугалась, не отвернулась. Голову набок склонила и наблюдает. Я прибегаю, ору ей: «Ты чего сидишь, дура, зови медсестру!». А она поворачивается ко мне и говорит. Спокойно так, рассудительно: «Зачем? Кровь сейчас свернется, болевой шок пройдет, он и замолчит». И дальше смотрит.

В кабинете стало тихо. Слышно было, как за окном, во

дворе, кто-то матерится, пытаясь завести машину.

— Жутко мне стало, граждане, — призналась тетка. — Натуралист юный, блин. Может, это у неё шок так выходит. А может... В общем, смотрите сами, думайте. Я предупредила.

— Мы подумали, — отрезал я, пропуская мимо ушей этот странный пример. Мало ли, что ребенок ляпнет со страху. Лиза только кивнула, но я заметил, как у нее дрожат руки.

Нас повели в «комнату для встреч». Стены в цветочек, убогая казенная мебель, на окне — полуживой фикус.

Дверь открылась, и вошла Ксюша.

У меня на мгновение перехватило дыхание. Это был сбой в матрице. Маленькая Лиза из прошлого, только чуть более хрупкая, прозрачная какая-то. Те же русые волосы, те же серо-зеленые глазищи, только в них вместо жизни была какая-то бесконечная, тупая тоска. Она выглядела так, словно её долго держали в темном чулане, а потом резко вытащили на свет.

Она села на край стула, сложила руки на коленях. Чистенькая, аккуратная, в каком-то нелепом казенном, застиранном платьице в горошек.

Здравствуй, Ксюша, — голос Лизы дрогнул.

Девочка подняла голову. Секунду, даже скорее долю секунды она сканировала нас. Холодно, расчетливо, как таможенник сканирует багаж. Оценила Лизины слезы, мой костюм, обстановку.

А потом включилась сирена. Ксюша всхлипнула. Плечи затряслись. Лицо мгновенно пошло красными пятнами.

— Тетя Лиза? — шепот. — Вы правда приехали?

Она сползла со стула. Не встала, а именно стекла на пол, на колени. По-киношному? Возможно. Но Лизу это добило мгновенно.

— Пожалуйста... — девочка тянула к ней тонкие руки. — Заберите меня! Я буду хорошей! Я всё-всё буду делать, честно! Я мешать не буду! Только не оставляйте меня здесь... Тут страшно… мама… мамы больше нет!

Лиза рухнула рядом с ней. Обняла, прижала к себе. Две почти одинаковые блондинки в центре грязной комнаты. Одна рыдает от жалости, вторая — от ужаса (или очень талантливо его изображает). Я стоял у окна, ковырял ногтем облупившуюся краску на подоконнике и чувствовал себя зрителем в партере. Сцена была сильной, достойной «Оскара». Антонина Петровна в углу громко высморкалась в платок.

— Всё, — сказал я. — Лизок, вставай. Пол грязный. Забираем. Я тогда не знал, что подписываю приговор нашей спокойной жизни. Я просто хотел закончить эту истерику.

Бюрократическая машина, обычно неповоротливая, как ржавый танк, вдруг включила пятую передачу. Любой, кто сталкивался с усыновлением, знает: это ад. Школа приемных родителей, медкомиссия, справки из МВД, осмотр жилья (инспектор должен проверить, есть ли у ребенка отдельная кровать и не варите ли вы мет на кухне). На это уходят

месяцы. Но тут система решила сбросить балласт.

— Оформите предварительную опеку, — быстро говорила Антонина Петровна, штампуя бланки. Руки у неё летали. — Это для экстренных случаев. Забираете сейчас, документы донесете в течение полугода. По месту жительства. Она торопилась. Она боялась, что мы передумаем.

— Медицина? — спросил я.

— Вот школьная карта, — она сунула мне потрепанную тетрадь. — Свежие анализы сделаете платно, за час. Я подскажу клинику, там... лояльные врачи.

Она буквально выпихивала нас в спину. — Школу приемных родителей в Москве пройдете. Жилищный акт — мы запрос пошлем, ваши местные придут, глянут. Вы люди приличные, я вижу. Не в подвал везете.

Нам стелили красную ковровую дорожку. Опека нарушала инструкции, закрывала глаза на сроки и справки, лишь бы избавиться от «специфической» девочки. Я видел глаза заведующей. В них не было радости за сироту. В них было облегчение сапера, который успешно передал тикающую бомбу другому дураку.

— Счастливого пути, — сказала она медовым голоском на прощание, и мне показалось, что она сейчас перекрестится. — Терпения вам.

«Оно вам понадобится», закончил я за неё. Про себя, разумеется.

Похороны прошли быстро. Технично. Трое у ямы: я, Ли-

за и Ксюша. Плюс полтора землекопа с лицами цвета сырой глины (второй был уже настолько «синий», что полноценным юнитом не являлся), которые торопились закончить и получить свои поллитры. Кладбище старое, тесное. Оградки наезжают друг на друга. Глина липнет к ботинкам килограммовыми комьями.

Ксюша не плакала. Она стояла у края. Прямая, в нелепом черном платке, который Лиза купила ей у ворот. Смотрела, как гроб опускают вниз. Не с ужасом. Не с горем. Она смотрела так, как прораб смотрит на заливку фундамента. Внимательно. Контролируя процесс. Когда первый ком земли ударил по крышке — звук глухой, деревянный, от которого у нормальных людей зубы сводит, — она даже не моргнула.

Прорвало её только в машине. Мы выехали за черту города. Пейзаж за окном сменился на серые заборы промзоны. И тут с заднего сиденья — вой. Не плач. Именно вой, утробный, на одной ноте, переходящий в икоту. Лиза, сидевшая спереди, тут же отстегнулась (штраф, плевать), перелезла назад. Неудобно, между спинками кресел. Прижала девчонку к себе, начала гладить, шептать какую-то ерунду: «Тише, маленькая, всё, всё...».

Я вел машину. Смотрел на дорогу. И в зеркало заднего вида. И вот там я увидел то, что мне совсем не понравилось. Ксюша рыдала, тряслась. Утыкалась мокрым лицом в Лизину куртку. Но в какой-то момент она подняла голову. На се-

кунду. Поймала мой взгляд в зеркале. Истерика выключилась. Мгновенно. Как звук кнопкой «Mute». Она смотрела на меня. Глаза сухие, взгляд цепкий, сканирующий. Так смотрят не сироты, у которых мать в земле. Так смотрят бабы в баре, оценивая мужика: часы, машина, перспективы. Сколько этот лох стоит? Насколько он управляем? Взгляд взрослой, циничной самки в теле двенадцатилетнего ребенка. Меня аж передернуло. Я моргнул. Секунда и наваждение спало — она снова рыдает, размазывая сопли по Лизиному плечу. «Мамочка, мамочка...»

Я дернул зеркало вверх, чтобы видеть только потолок салона. Показалось? Нервы? Но холодок между лопатками остался.

До Москвы ехали молча. Точнее, молчал я. Ксюша на вопросы не отвечала, только шмыгала носом.

— Как жили-то? — спросил я, глядя на трассу. — Мать работала?

— Паш, отстань, — шикнула Лиза. — У ребенка шок. Дай ей прийти в себя.

Я заткнулся. Шок так шок. Только вот интуиция, натренированная годами возни с поставщиками и мутными клиентами, орала благим матом. Потому что шок — это когда человек тормозит. А когда человек за секунду меняет истерику на холодный расчет и обратно — это не шок. Это актерское мастерство.

В Москве, в самом начале Ленинского проспекта нас жда-

ла «трешка». Она досталась мне (вернее маме) от бабушки. Но мама в своё время проявила чудеса благородства, переписав её на меня. Чтобы бедный сынок не мыкался по съемным углам. Возможно, сейчас жалеет, а может и нет, об этом история умалчивает. Квартира топчик. Монументальный сталинский ампир. Потолки три двадцать, стены такой толщины, что соседей слышно, только если они начнут сверлить бетон перфоратором или устраивать пляски над головой. Квартира была похожа на бункер класса-люкс. Просторная, светлая. Кухня — пятнадцать квадратов, мечта любой хозяйки. Газовая плита — чугунный монстр, переживший Хрущева и Брежнева (давно пора менять, кстати). Широкие подоконники, на которых можно спать.

Мы с Лизой оккупировали две комнаты – гостиная и наша спальня. Третья стояла закрытой. Мы по инерции называли её «детской». Сразу после свадьбы, на волне эйфории, мы поклеили там обои. Нейтральный беж. «Унисекс», как шутила тогда Лиза, типа – кто родится, тому и пригодится. Мы ждали, что комната наполнится детским визгом и памперсами. Вместо этого, в суровой реальности она наполнилась всяким хламом, который обычно свозят на дачу, но вот дачи у нас как раз-таки не было.

Я открыл дверь. В нос ударил запах залежавшейся пыли. Комната превратилась в склад. Коробки с зимней обувью, которую лень убрать в шкаф. Гладильная доска, похожая на скелет птеродактиля. И памятник моей силе воли — вело-

тренажер, который давно мутировал в вешалку для рубашек.

— М-да, — сказал я вслух. — Уютненько.

Надо разгребать. Прямо завтра. Вывезти этот музей несбывшихся надежд на помойку, купить кровать, стол. Компьютер нужен — сейчас без него в школе делать нечего. Обустроим. Будет у девки свой угол. Не казенная койка, а нормальная нора – логово подростка.

Мы вошли в прихожую. Ксюша замерла. Она не крутила головой, как турист в музее. Она сканировала пространство. Паркет, высокие массивные двери, лепнину на потолке. Я стоял к ней спиной, вешал куртку, но слух у меня хороший.

— Ничё так хата... — прошелестело сзади. Тихо, вроде как про себя. Оценочно. Так риелторы прикидывают рыночную стоимость объекта.

Я резко обернулся. Бац. Смена кадра. Передо мной стоял испуганный ребенок с большими глазами.

— Спасибо, дядя Паша... — голосок тонкий, дрожащий. — Тут так красиво... Я даже боюсь на пол наступать.

— Наступай, — буркнул я. — Паркет выдержит.

Потом пили чай. Чай — это универсальная затычка для неловких пауз. Когда не знаешь, о чем говорить с чужим человеком, которого ты приволок в свой дом, — включай чайник.

Ксюша сидела за столом, держала чашку двумя руками, грела пальцы. Она «оттаяла». Начала рассказывать про школу, про то, как любит читать. Говорила складно, правиль-

ными, книжными фразами. Слишком правильными для двенадцатилетки. Я слушал и кивал. Но смотреть на неё было неуютно. Она следила за мной. Не открыто, а из-под ресниц. Фиксировала каждое движение: как я насыпаю сахар, как размешиваю, как держу ложку. Это был взгляд не сироты, нашедшей приют. Это был взгляд разведчика в тылу врага, который запоминает расположение объектов.

— Ну вот и хорошо, — Лиза сияла. Она гладила племянницу по руке, и глаза у неё были влажными от умиления. — Теперь мы семья.

— Семья, — эхом отозвалась Ксюша и улыбнулась. Улыбка была идеальной. Такой улыбкой можно рекламировать зубную пасту или счастливое детство. Только глаза оставались холодными, как линзы оптического прицела. Я сделал глоток. Чай был горячим, но меня пробрал озноб. Интуиция, этот атавизм, доставшийся нам от предков, которые боялись шорохов в кустах, настойчиво шептала: мы пустили в дом не бедного родственника. Мы пустили чужого. И этот чужой уже начал осваивать территорию.

До дня рождения Ксюши оставался ровно месяц.

Глава 2

Первый месяц пролетел в режиме «демо-версии». Ну, как, например, бывает с компьютерными играми или дорогим софтом. Тебе дают попробовать функционал, от которого захватывает дух: графика на максимуме, сюжет летит, багов — ноль. Ты расслабляешься, тянешься за кредиткой, чтобы купить полную версию… и тут выясняется, что дальше всё будет совсем иначе. И за каждый чих придётся платить отдельно.

Ксюша была идеальной. Идеальной до тошноты. Нет, серьезно. Если бы существовала палата мер и весов для сирот, её следовало бы поместить туда под стекло как эталон. Она не шумела. В шкафу у неё — армейский порядок. Футболки стопками, носки в ряд. Я заглянул один раз — мне стыдно стало за свой бардак. Двенадцатилетние дети так не живут. Так живут солдаты-срочники перед проверкой тумбочек. Она ела всё, что готовила Лиза, и каждый раз благодарила так, словно ей подавали не переваренные макароны, а фуа-гра с трюфелями.

— Спасибо, тётя Лиза. Очень вкусно. — Спасибо, дядя Паша. Спокойной ночи.

Лиза таяла. У неё включился запоздалый материнский инстинкт, причем сразу на полную мощность. Она носилась по магазинам, тащила в дом пакеты с каким-то ярким барах-

лом: пижамы с единорогами, наборы фломастеров (которыми Ксюша не рисовала), заколки, платья. В её мире наконец-то сложился пазл: дом, муж, ребенок. Пусть не свой, но кровный. Родной. Она строила декорации счастливого детства.

— Смотри, Паш, она улыбалась сегодня!

Я кивал. Улыбалась, да. Только улыбка у неё включалась и выключалась, как лампочка в холодильнике. Нужна — горит. Дверь закрыли — погасла. Меня же не покидало ощущение, что я живу в декорациях плохого ситкома, где закадровый смех включают невпопад.

А потом пал Боцман. Лабрадор — существо продажное по природе, но Боцман обычно держал марку. К чужим он относился с вежливым равнодушием: «Ты кто? Гость? Ну проходи, только миску не трогай». Ксюша сломала его за два дня. Я даже не понял как. Вроде не кормила (я следил, куски со стола — табу). Не сюсюкала. Просто захожу вечером в гостиную, а там картина маслом. Ксюша сидит на полу, скрестив ноги. А эта сорокакилограммовая туша лежит у неё на коленях кверху пузом, раскинув лапы в позе полной капитуляции. Глаза закатил, слюна течет, хвост метет по ковру. Она чесала его. Не просто гладила, а нашла какую-то точку за ухом, о которой даже я не знал. Её пальцы двигались ритмично, уверенно, как у профессионального массажиста. Она подняла на меня глаза. Руки не убрала.

— Он хороший, — сказала тихо.

Боцман хрюкнул от кайфа. Предатель. Мне стало не по себе. В этом было что-то... дрессировочное. Будто она не с собакой играла, а взламывала код доступа к системе охраны. И, судя по довольной морде пса, взломала успешно.

В один из вечеров, когда мы сидели на кухне — У Лизы голова разболелась и она ушла в спальню, я мучил ноутбук, пытаясь свести дебет с кредитом по своему небольшому бизнесу (продажа автозапчастей — не бог весть что, но на хлеб с маслом и икрой по праздникам хватало), а Ксюша молча пила чай, — я наконец решился спросить. Аккуратно, стараясь не задеть за живое.

— Ксюш… а так… что вообще говорили? Как же так вышло-то? С пожаром этим?

Я ждал слез. Ждал, что она замкнется, убежит, или плечи у неё задрожат, как тогда, в опеке. Но она даже не перестала мешать ложечкой сахар в чашке. Дзынь-дзынь-дзынь. Ритмично, спокойно.

— А что там говорить, — пожала она плечами. Голос был абсолютно обычный, ровный, даже не дрогнул ни капельки. Таким тоном обсуждают прогноз погоды на завтра или что посмотреть по телеку вечером. — Да нажралась она наверняка. Опять. Скорее всего отрубилась с сигаретой на диване. Она же курила дофига, пачки две в день. Да и бухала в последнее время… страшно.

Она подняла на меня глаза. В них не было ни боли, ни жалости к матери. Только легкая, какая-то взрослая усталость

от чужой глупости.

— Но я точно не знаю, — добавила она, откусывая печенье. — Я ж гуляла в тот вечер. Допоздна. Это так, чисто предположение. Но скорее всего так и было. Чему там ещё гореть-то?

Меня тогда удивило это спокойствие. «Напилась», «сгорела» — и тут же хруст печенья. Но я списал всё на защитную реакцию. Шок. Психика блокирует ужас, чтобы не сойти с ума. Кто я такой, чтобы судить ребенка, выжившего в аду? Я просто подлил ей чаю и перевел тему.

Ксюша наблюдала. Весь этот месяц она сканировала нас.

Я буквально кожей чувствовал, как работает её маленький, цепкий аналитический центр. Она изучала территорию не как ребенок, который ищет, где спрятаны конфеты, а как сапер на минном поле. Или, вернее, как новый кот, которого принесли в дом, где уже живут две старые, ожиревшие собаки.

Она запомнила места, где скрипит паркет. Серьезно. Через неделю Ксюша перемещалась по квартире в режиме «стелс». Я сижу в кабинете, работаю, думаю, что один — а она уже стоит в дверях. Молчит и смотрит. И в руках у неё именно та кружка, которую я люблю — большая, с дурацкой надписью «Boss», которую мне подарили коллеги на прошлой работе.

— Чай, дядя Паша. Зеленый, без сахара. Вы же такой пьёте, когда нервничаете?

Я аж вздрогнул. Я ведь и сам не замечал, что пью зеленый именно когда нервничаю. А она заметила.

С Лизой у неё была другая тактика. «Зеркало». Ксюша копировала интонации, походку, даже манеру смешно морщить нос. Лиза, добрая душа, таяла, как пломбир на солнцепеке.

— Паш, ну посмотри, как мы похожи! — щебетала жена, примеряя на Ксюшу очередное платье. — Одно лицо! Гены не пропьешь!

— Не пропьешь, — соглашался я, глядя в Ксюшины глаза. В них не было ни Лизиной наивности, ни детского восторга. Там был холодный расчет. Она позволяла себя одевать, причесывать, тискать, но я видел: она просто терпит. Как терпят неприятную, но обязательную медицинскую процедуру. Надо — значит надо. Плата за проживание, внесенная эмоциями.

Ксюша быстро поняла расстановку сил. Лиза — это уют, еда и эмоциональное обслуживание. Я — это ресурсы, защита и право вето. Поэтому со мной она вела себя иначе. Она не лезла с объятиями. Она подавала патроны. Пульт от телевизора оказывался под рукой за секунду до того, как я начинал его искать. Боцман был выгулян до того, как я успевал тяжело вздохнуть, глядя на поводок. Она убирала мои разбросанные носки (дурная привычка, каюсь) молча, без укоризны, с которой это делала Лиза.

А потом пошли первые пробные диверсии. Вечер. Кухня.

Лиза умотала в душ. Ксюша сидит за столом, грустная какая-то, ковыряет вилкой ужин.

— Дядя Паш... Голос тихий, виноватый. — А тетя Лиза устала сильно?

— С чего ты взяла? — я открыл холодильник, достал пиво.

— Она обещала мне с математикой помочь. До школы меньше месяца, готовиться надо. Там дроби сложные, я не всё понимаю... А она в телефоне сидит весь вечер. Смеется, переписывается с кем-то... Я подождала-подождала и сама решила. Наверное, неправильно, ну ладно. Она вздохнула. Искренне так, с детской грустью.

— Ты её не ругай только, ладно? Ей, наверное, скучно со мной.

Меня это зацепило, стало немного неловко за жену. Я же точно знал, что Лиза ждала, пока Ксюша доест, чтобы сесть за уроки. Но картинка в голове уже сложилась: Лиза ржет в телефоне, забив на сироту, а бедная девочка грызет гранит науки в одиночестве. Маленькая, аккуратная ложь, вброшенная именно тогда, когда нужно, и именно тому, кому нужно. Малюсенькая такая капелька дегтя в банку меда.

А потом наступило двенадцатое августа. День «Ч». Двенадцать лет — странный возраст. Ты вроде еще веришь в чудеса, но уже точно знаешь, сколько они стоят в рублях.

Мы с Лизой решили гулять на все. Комплекс вины — мощный двигатель торговли. Лиза хотела компенсировать

племяннице «потерянное детство», я хотел компенсировать свое смутное чувство тревоги. Поэтому — «Остров Мечты». Русский Диснейленд под стеклянным куполом, место, где умирают надежды на тихий выходной и рождаются дыры в семейном бюджете.

— С днем рождения! — заорали мы хором, вваливаясь в её комнату с утра пораньше. Шарики, торт, все дела. Ксюша села в кровати, потерла глаза. Изобразила восторг. Грамотно, по Станиславскому, но я-то уже выучил её настоящие реакции. Настоящая Ксюша — это когда она смотрит деньги, забытые мной на тумбочке. А это была маска «Благодарная сирота, дубль пятый».

— Собирайся! — скомандовала Лиза. — Мы едем в сказку!

Сказка встретила нас очередями, запахом попкорна и пластиковым великолепием. Ненавижу такие места. Это квинтэссенция фальши. Картонные замки, потные аниматоры с мертвыми глазами внутри плюшевых голов, и этот бесконечный, давящий на перепонки гул. Гул чужого веселья. Но Ксюша играла свою роль безупречно. Она визжала на аттракционах, там, где положено визжать, ела сладкую вату, пачкая пальцы в розовой липкой дряни, и послушно позировала для Лизиного инстаграма на фоне пластиковых грибов ядовитого цвета.

— Тебе нравится? — кричала Лиза, стараясь переорать музыку.

— Очень! Вы лучшие! — кричала в ответ Ксюша.

В ресторан мы завалились уже ближе к вечеру. Ноги гудели, голова раскалывалась. Лиза сияла, Ксюша доедала пиццу, аккуратно орудуя ножом и вилкой. Даже пиццу она ела как аристократка в изгнании, хотя для меня гораздо привычнее, когда дети жрут эту пиццу руками, пачкаясь в соусе. Пришло время главного калибра. Я полез в рюкзак. Достал белую коробку, затянутую в пленку. Культ карго двадцать первого века. Яблоко раздора и примирения. Айфон. Последний, разумеется. Не «Про», конечно, но для двенадцати лет — более чем. У меня в её возрасте пределом мечтаний была приставка «Сега Мега Драйв».

— Это... мне? — голос Ксюши дрогнул. И вот сейчас, кажется, впервые за день она не играла. Глаза её расширились. В них плеснулось что-то жадное, хищное. Священный трепет дикаря перед бусами, только бусы теперь умеют снимать видео в 4К.

— Тебе, зайка! — Лиза захлопала в ладоши. Ксюша медленно взяла коробку. Провела пальцем по грани. Вдохнула запах типографии и дорогого пластика.

— Спасибо... — выдохнула она.

А потом она завизжала. Тонко, пронзительно, так, что за соседним столиком поперхнулся мужик с пивом. Она вскочила и бросилась мне на шею. Не к Лизе. Ко мне.

— Спасибо! Спасибо, дядя Паша! Ты супер! Ты самый лучший!

Это не было объятие ребенка, который радуется игрушке. Она прижалась ко мне всем телом, слишком крепко, слишком... осознанно, что ли. Её руки сомкнулись у меня на шее, и я почувствовал, как она на секунду замерла, уткнувшись лицом мне в плечо. Это было не по-детски. В этом жесте была какая-то взрослая властность. Словно она помечала территорию.

— Спасибо, Паша... — прошептала она мне прямо в ухо. Без этого привычного «дядя».

Я осторожно отстранил её, чувствуя, как по спине пробежал холодок, который никак не спишешь на кондиционеры торгового центра. Посмотрел на Лизу. Жена сияла, утирая слезу умиления. У неё на глазах были фильтры, она видела только идиллическую картинку «отец и дочь».

— Ну, пользуйся на здоровье, — буркнул я, стараясь вернуть голосу бодрость.

Ксюша уже вовсю вертела телефон в руках. Глаза её горели, но это было похоже не огонь радости ребенка, получившего новую игрушку. Это был азарт игрока, который только что вытащил из колоды козырного туза.

— Я теперь буду тебе часто-часто звонить, — улыбнулась она, глядя мне прямо в глаза. — Чтобы ты не скучал, когда тетя Лиза занята своими делами.

В тот вечер я долго не мог уснуть. Слушал, как на кухне гудит холодильник. Вроде все по сценарию: праздник, подарки, семья, счастливый ребенок. Но меня не покидало ощу-

щение, что мы запустили в квартиру взрослую, расчетливую тварь, которая просто носит костюм маленькой девочки. И этот костюм ей уже тесноват.

Август — это как вечер воскресенья. Вроде бы еще лето, солнце жарит, асфальт плавится, но в воздухе уже висит этот тоскливый запах неизбежности.

Вопрос со школой встал ребром, как кость в горле. В принципе, у нас под боком была вполне сносная общеобразовательная школа. Из тех, где красят бордюры к приезду проверки и считают, что если ученик не сидит в колонии к девятому классу — это уже педагогический триумф. Лиза робко предложила отдать Ксюшу туда. Мол, адаптация, близко к дому, зачем лишний стресс.

Я посмотрел на неё как на умалишенную.

— Лиз, ты серьезно? — спросил я. — У девочки и так старт в жизни — врагу не пожелаешь. Мать погибла, Пензенский интернат, пусть и недолго. Ей социальный лифт нужен, а не районный отстойник.

Лиза пожала плечами и ретировалась. Она вообще в последнее время предпочитала не спорить. А я поехал к отцу.

Отец у меня — человек-функция. Сергей Сергеевич. Кстати, он и меня хотел Сергеем назвать — видимо, мечтал о династии «Сергей Сергеевичей», как у царей. Но мама тогда уперлась рогом. «Только через мой труп, — сказала она. — Хватит с меня одного Сергея в этой квартире». Спорили они до хрипоты, неделю не разговаривали, но в итоге сошлись на

нейтральном «Павле».

Всю жизнь отец проработал в системе образования. Прошел путь от простого учителя физики до директора школы, а потом ушел в чиновники. Сейчас он — начальник управления в Рособрнадзоре. Всю жизнь при галстуке, при портфеле и с выражением лица человека, который знает, как устроен механизм Вселенной, и его этот механизм глубоко печалит. На пенсию он не уходил принципиально. Боялся, что без работы рассыплется в труху, как старый пергамент.

Мы с ним общались ровно, по-родственному, но без лишних сантиментов. Я не просил денег, он не учил жить. Идеальный пакт о ненападении. Но сейчас пришлось нарушить конвенцию.

Мы сидели на его кухне — огромной, в «сталинке» на Кутузовском, где потолки терялись где-то в вышине, а мебель помнила еще Брежнева. Отец пил чай из серебряного подстаканника (пижонство, конечно, но ему шло) и слушал мою сбивчивую речь про нелегкую сиротскую долю и необходимость дать шанс. Стакан в его руке смотрелся как скипетр.

— В «десятку» хочешь? — он хмыкнул, постукивая ложечкой о край стакана. — Губа не дура, Паш.

— Ну, хотелось бы, — кивнул я. — Девочка умная, ей уровень нужен.

Отец отставил стакан и посмотрел на меня как на идиота, который верит в честные выборы.

— Паша, ты вообще в каком мире живешь? В реальном

или в иллюзорном, где пони какают бабочками? Сейчас август! Там еще в мае всё расписано под завязку. За всё и за всех уплачено, списки утверждены, классы укомплектованы детьми министров и олигархов. Там конкурс родителей, а не детей. Кто больше занесет, у кого фамилия громче. Это тебе не девяностые, сейчас элитарии пошли зубастые. Мест нет. Физически нет. Тут даже меня не хватит, чтобы впихнуть невпихуемое.

— Пап, — я смотрел ему в переносицу. — Я тебя часто о чём-то прошу? Это очень важно. Для меня.

Он вздохнул. Тяжело так, с присвистом. Пожевал губами, глядя в окно на пролетающий по проспекту правительственный кортеж с мигалками. Видно было, как в голове у него крутятся шестеренки связей и долгов.

— Ладно, — наконец произнес он. — Есть там одна гимназия на Юго-Западе. Языковая, с уклоном в дипломатию, оттуда прямая дорога в МГИМО. Уровень — космос. Он помолчал. — Директор мне кое-чем обязан. Серьезно обязан. И слух прошел… Вроде бы там место может освободиться. Пацана одного, сына нефтяника, родители срочно в Лондон увозят, в закрытый колледж. Документы на днях забирают. Если успею — перехвачу это место, пока его на аукцион не выставили. Директору сегодня звякну. Попробую надавить.

Он строго посмотрел на меня поверх очков. — Но с тебя причитается, в общем. Коньяк. Хороший. И учти, Павел: если она там накуролесит, я умываю руки. И тебе голову ото-

рву. Девочка-то хоть толковая? Или будет, как в басне Крылова, позорить мои седины?

— Толковая, — уверенно соврал я. Точнее, не совсем соврал. Умом Ксюша обделена не была, это факт. Другое дело, куда этот ум был направлен.

— Спасибо, пап, — я выдохнул. До меня только сейчас дошло, что вопрос реально был непростой, и он ради меня задействовал свой «золотой запас» влияния. — Правда, спасибо. Я не подведу.

— Иди уже, «не подведу», — буркнул он, потянувшись к телефону. — Надеюсь, оно того стоит.

Гимназия оказалась действительно крутой. Мрамор в холле, охрана — не сонные деды со сканвордами, а крепкие парни с гарнитурами в ушах. Дети, которых привозят на «Майбахах» и геликах. Правда, логистика получалась адская. От нас — полчаса на машине, если без пробок, но утро без пробок в Москве бывает разве что только первого января. Ну а с пробками выходило все пятьдесят, а то и час. Мы стояли, ползли, протискивались сквозь ряды таких же бедолаг, везущих своих чад на встречу с «гранитом науки». Лиза водить не умела, да и в принципе не хотела учиться. А зачем? Если надо – муж отвезет, ну или на крайняк такси вызовет. Значит, без вариантов. Транспортировка объекта из пункта А в пункт Б – полностью на мне.

Мой график превратился в армейское расписание. Подъем в шесть. Выгул Боцмана — этот шерстяной предатель

признавал только мою компанию (ну и с недавних пор, как ни странно, Ксюшину), с Лизой он просто садился у подъезда и делал вид, что у него паралич задних конечностей. Потом — душ (чуть ли не с секундомером), кофе на бегу, Ксюшу в охапку — и марш-бросок на Юго-Запад.

Но, черт возьми, оно того стоило. Я чувствовал себя Пигмалионом. Я лепил из этого пензенского заморыша человека высшего сорта.

Ксюша оценила. После того дня рождения, когда я вручил ей айфон, что-то в ней изменилось. Окончательно. Словно она переключила тумблер. Лиза отошла на второй план. Нет, Ксюша не грубила ей, не хамила. Она просто стала для неё... фоном. Мебелью. А я превратился в центр вселенной.

— Дядя Паша, а посиди со мной? Ну пожааалуйста! — это вечером, когда я уже клевал носом. — Мне страшно одной засыпать. Снится всякое.

И я сидел, вдыхая легкий аромат детского крема. Она лежала под одеялом, свернувшись калачиком, и рассказывала мне какие-то школьные байки, или спрашивала про мою работу, про машины, про детство. Она слушала так, как ни одна женщина в моей жизни не слушала. Впитывала. Иногда она просила обнять её.

— Просто подержи за руку, ладно? Рука у неё была узкая, прохладная. Она сжимала мои пальцы крепко, иногда прижималась щекой к ладони. Это было на грани. Я гнал от себя дурные мысли, списывая всё на дефицит отцовского вни-

мания. Ну не было у ребенка отца, тянется к мужчине. Это нормально. Психология. Фрейд и всё такое.

Лизу это бесило. Я видел. Она ходила с поджатыми губами, иногда бросала фразы типа: «Может, хватит уже нянчиться? Ей двенадцать, а не пять».

В такие моменты Ксюша включала режим «ангел». Подбегала к Лизе, обнимала, чмокала в щеку:

— Тётечка Лиза, ты самая лучшая! Извини, я просто соскучилась по папе... ну, то есть, по дяде Паше. И Лиза таяла. Растекалась лужицей. Глупая, добрая Лиза.

А утра... Утра стали моим любимым временем. Лиза — «сова». Утром её поднять можно только с помощью домкрата и ведра ледяной воды. Она спала до последнего, потом носилась в панике. Ксюша вставала раньше меня. Я выходил на кухню после прогулки с собакой, а там уже пахло свежесваренным кофе. Не растворимой бурдой, а нормальным, из турки. На столе — горячие бутерброды, именно такие, как я люблю: сыр чуть расплавлен, но не течет.

— Доброе утро, — она стояла у плиты в аккуратном фартучке. Волосы собраны, ни следа заспанности. — Я твою рубашку погладила, та голубая мятая была. Повесила на стул.

Это был удар ниже пояса. По Лизе.

— Спасибо, Ксюш, — я садился за стол, чувствуя себя английским лордом. — А Лиза?

— Тётя Лиза спит, — Ксюша говорила это с едва заметной полуулыбкой. Сочувственной такой. — Пусть отдыхает. Она

же устает... наверное.

В этом «наверное» было столько яда, что хватило бы отравить колодец. Но подано всё было под соусом заботы. Смотри, мол, я — маленькая, но я уже хозяйка. Я забочусь о тебе, кормлю, одеваю. А она — спит.

Она подавала мне одежду. Поправляла воротник перед выходом.

— Тебе очень идет этот цвет, дядя Паша. Глаза сразу такие... синие.

Я смущался. Мне тридцать пять лет, я взрослый циничный мужик, но, черт возьми, это было приятно. Мужское тщеславие — самая уязвимая мишень.

Лиза тоже начала что-то подозревать. Женщины — они как звери, чуют угрозу на гормональном уровне.

— Она ведёт себя не как ребенок, — сказала мне Лиза однажды вечером, когда Ксюша ушла в душ. — Паш, ты не видишь? Она... она как будто заигрывает.

— Лиз, ты в своем уме? — я даже рассмеялся. — Ей двенадцать! Какое заигрывает? У тебя паранойя. Или ревность к ребенку, что еще хуже.

Лиза замолчала, но взгляд у неё остался тяжелым.

А через пару дней, когда Ксюша пошла погулять с Боцманом, Лиза всё-таки решилась на откровенный разговор. Я тогда весь день мотался по делам (поставщик подвел, надо было срочно разруливать), но заехал домой перекусить побыстрому. Кухня встретила меня пустым столом. Ни таре-

лок, ни запаха еды, только Лиза, которая бродила по периметру комнаты. От окна к холодильнику. От холодильника к плите. Три шага туда, три обратно. В руках она душила кухонное полотенце, скручивая ткань в тугой, жесткий жгут. Лиза долго мялась, не выпуская из рук несчастное полотенце, то садилась, то вставала.

— Паш, выслушай меня, пожалуйста, только не перебивай, — начала она тихо, не глядя мне в глаза. — Может, у меня правда паранойя... Может, прошлое не отпускает, и я стала слишком подозрительной. Но мне страшно.

— Чего тебе страшно, Лиз? — я вздохнул, предчувствуя очередной раунд «женских глупостей».

— Я не могу отделаться от ощущения... — она запнулась. — У меня жуткое дежавю, Паш. Я смотрю на Ксюшу, а вижу Машку. Не внешне, нет... хотя и внешне, пожалуй, тоже. Но в основном внутри. Те же интонации, те же жесты. То, как она смотрит исподлобья, а через секунду улыбается так сладко, что зубы сводит.

Она подняла на меня глаза, полные тревоги. — Она подлизывается, Паш. Точно так же, как Маша в детстве подлизывалась к родителям, чтобы выклянчить новую куклу или чтобы меня наказали. Это не искренняя забота, Паш. Это схема. Она щупает нас, ищет слабые места. Она видит, что ты поплыл от её «дядя Паша, ты такой сильный», и давит на эту кнопку.

Я слушал её и, честно говоря, офигевал. Я даже покрутил

пальцем у виска.

— Лиз, ты себя вообще слышишь? Это реально паранойя. Ты проецируешь свои детские травмы на ни в чем не повинного ребенка. Ксюша — несчастная девочка, которая только-только лишилась единственного близкого человека! У неё мать сгорела заживо! У неё стресс, ей плохо, она ищет опору. Она пытается быть полезной, чтобы её снова не вышвырнули, как котенка. А ты... ты её тут невесть в чем готова обвинить. В коварных планах, в интригах. Ей двенадцать лет, Лиза! Очнись! В таком возрасте не интриги плетут, а в куклы играют!

Лиза сжалась от моего тона. По её щекам потекли слезы.

— Да... — прошептала она, вытирая лицо тем самым полотенцем. — Наверное, ты прав. Я просто дура. Я накрутила себя. Но, Паш... мне так тяжело. Это всё... этот призрак Маши... он мешает мне её полюбить. Я хочу, честно хочу, я стараюсь, но не могу. Как только я пытаюсь её обнять, у меня перед глазами встает сестра и её ухмылка. И я отстраняюсь. Я боюсь, Паш.

Мне стало её жаль, но я списал это на её нервозность и тот факт, что она так и не смогла забеременеть, что тоже давило на психику. Я обнял её, сказал, что всё наладится, что Ксюша отогреется, и Лиза увидит, какая она на самом деле замечательная. Лиза кивнула, но я чувствовал, что она мне не поверила.

Первое сентября напоминало парад тщеславия на выезде.

Линейка, гимн, букеты размером с клумбу. Я стоял в толпе родителей, чувствуя себя немного инвестором, который удачно вложился в стартап. Ксюша в форме элитной гимназии смотрелась органично. Как будто она родилась не в Пензе, а в пределах Садового кольца. Моя работа. Мой проект.

Три недели были раем. Электронный дневник сиял зелёным цветом пятерок. Ксюша взахлеб рассказывала про учителей, про то, как её хвалила русичка, как она подружилась с девочками.

— Там такие классные девчонки, дядя Паша! Мы команду создали, готовимся к осеннему балу!

Дома — идеальный порядок. Уроки сделаны до моего прихода. Помощь по хозяйству — нарочитая, показательная. «Тётя Лиза, иди полежи, я сама посуду помою». «Тётя Лиза, давай я пропылесошу». Я смотрел на это и думал: ну вот же! Отогрели. Получилось. Зря Лиза нагнетала.

Гром грянул в конце сентября. Во вторник. Звонок был не от классной руководительницы, а из приемной директора. Сухой, ледяной голос секретаря:

— Павел Сергеевич? Срочно в школу. Вместе с супругой. Вопрос об исключении.

Я летел по Ленинскому, нарушая все мыслимые правила. Лиза сидела рядом бледная, теребя ручку сумки.

— Что она натворила? — шептала Лиза. — Господи, что?

— Разберемся, — процедил я. — Наверняка недоразумение.

Директор гимназии, Эдуард Витальевич, был похож на постаревшего римского патриция. Он сидел в своем огромном кабинете за дубовым столом и смотрел на нас как на грязь под ногтями. Ксюша сидела на стуле у стены. Сжавшаяся, маленькая, несчастная. Глаза на мокром месте.

— Ваша... подопечная, — слово он выделил брезгливой паузой, — обвиняется в создании организованной травли. Буллинг, вымогательство, физическое насилие. Он подвинул ко мне планшет. — Смотрите.

Я нажал Play. Видео вертикальное, снято на телефон. Смотрел, не отрываясь. С первых же кадров мне реально захотелось попросить, чтобы открыли окно. Воздуха не хватало. На видео, снятом в школьном туалете, три девочки зажали четвертую — полноватую, в очках. Они заставляли её раздеться. Голос за кадром, командующий парадом, был до боли знакомым.

— Снимай лифчик, жирная. Или по роже сейчас получишь. А потом и это видео в чат класса скинем. Девочка ревела, закрывалась руками. Потом её макнули головой в унитаз. Под дружный гогот.

Я поднял глаза на директора.

— Это... это Ксюша снимала?

— Ксения руководила, — жестко сказал директор. — Она собрала вокруг себя «свиту». Организовала, так сказать, иерархию. Собирали дань с младших. Тех, кто не платил, наказывали. Вот так.

— Это неправда! — Ксюша вскочила. Слезы брызнули из глаз фонтаном. — Это не я! Они врут! Это всё Соня и Алина! Они меня заставили! Они сказали, если я не буду снимать, они меня побьют! Я новенькая, я боялась! Она подбежала ко мне, вцепилась в рукав. — Дядя Паша, они меня ненавидят! Потому что я из Пензы, из детдома! Они меня «бомжихой» называют! Они всё подстроили!

Я смотрел на неё. Трясущиеся губы, глаза полные ужаса. Моя бедная девочка, которую мы вытащили из ада, и которую теперь снова окунают в грязь эти мажорные сучки.

— А где доказательства, что руководила именно она? — в моём голосе появились металлические нотки. — На видео её нет. Голос? Похож, но это не экспертиза. А вот то, что она новенькая и удобная мишень для списания грехов — это очевидно.

— Павел Сергеевич, — директор поморщился. — Дети говорят...

— Дети могут говорить что угодно, чтобы прикрыть свои задницы! — рявкнул я. — Мой отец, кстати, очень интересовался успехами гимназии. Думаю, ему будет интересно узнать, как здесь организована воспитательная работа, если новенькую заставляют участвовать в таком...

Упоминание отца сработало как заклинание. Лицо директора дернулось. Он знал, чей я сын. И знал, что проверки Рособрнадзора — это хуже чумы.

— Хорошо, — он сцепил пальцы. — Прямых доказа-

тельств действительно... маловато. Но дыма без огня не бывает.

— Вот и ищите огонь там, где он есть. Среди тех, кто тут годами учится и чувствует безнаказанность.

Мы вышли из школы победителями. Условно. Ксюшу не исключили. Исключили ту самую Соню — дочь какого-то вполне себе успешного бизнесмена, но у которого не нашлось волосатой лапы в министерстве. Дело замяли.

Дома был ад. Лиза устроила допрос с пристрастием.

— Ксения, смотри мне в глаза! — кричала она, что ей вообще не свойственно. — Ты это сделала? Ты?! Я слышала голос! Это твои интонации!

— Нет! — Ксюша валялась у неё в ногах, рыдая так, что хотелось заткнуть уши. — Тётя Лиза, за что? Почему ты мне не веришь? Я просто стояла рядом! Я боялась! Они сказали, что убьют меня! Она билась в истерике, задыхалась.

Я не выдержал.

— Хватит! — я стукнул кулаком по столу. — Лиза, прекрати это гестапо! Ты не видишь, до чего ребенка довела? Ей и так досталось! Вместо того, чтобы поддержать, ты её топишь!

— Паша, ты слепой? — Лиза посмотрела на меня с ужасом. — Ты защищаешь чудовище!

— Я защищаю нашу дочь! — отрезал я. — А ты ведешь себя как истеричка. Марш в комнату, Ксюша. И успокойся. Никто тебя не тронет.

Ксюша шмыгнула носом, бросила на Лизу быстрый, затравленный взгляд и убежала.

На кухне повисла тяжелая тишина. Лиза стояла у окна, крестив руки на груди, её плечи слегка подрагивали. Потом она резко повернулась ко мне.

— Паш, — голос дрожал, на глаза наворачивались слёзы. — Ты правда не слышал? Этот ледяной тон на видео... Это же она. Это Маша. Один в один.

— Опять ты начинаешь? — я устало потер переносицу.

— Я не начинаю, я заканчиваю! — воскликнула она. — Я же говорила тебе, Паша! Помнишь? Я говорила, что вижу в ней сестру, что это не паранойя. Вот оно! Во всей красе! Маша точно так же травила меня в детдоме, с такой же изощренной жестокостью. И не только меня! Она получала от этого удовольствие. И Ксюша туда же. Это в крови, Паш! Это наследственность! Раскрой глаза!

Я поморщился, как от зубной боли, и отмахнулся от неё, как от назойливой мухи.

— Хватит тащить сюда призраков, Лиз. Ксюша всё объяснила. Четко и ясно.

— И ты ей веришь? Ты дебил? После всего, что услышал?

— Верю! — рявкнул я. — Я знаю, как в таких элитных гадюшниках относятся к сиротам без роду и племени. Там же одни мажоры, дети королей жизни. Им проще свалить всё на новенькую, на «бомжиху», чем признать вину своих драгоценных чад. Это логично, Лиз. Это социальная травля, а не

«ген зла». Ксюшу просто сделали крайней, потому что всем так было удобно. Это вполне похоже на правду. Я ей верю. И точка. Закрыли тему.

Лиза посмотрела на меня долгим взглядом, в котором читалось отчаяние, смешанное с жалостью к моему идиотизму, и молча вышла из кухни.

А я остался, налил себе водки (хотя был вторник) и выпил залпом. Руки тряслись. Где-то на задворках сознания, где-то очень глубоко, я понимал: голос на видео был её. И ледяные, командирские нотки — тоже её. Но я загнал эту мысль так глубоко, что её почти не было видно. Потому что признать это — значило признать, что я пригрел не просто змею. Я пригрел дьявола. А дьявол уже варил мне кофе по утрам и гладил рубашки. И я не готов был от этого отказаться.

Глава 3

Затишье. Любой, кто хоть раз был на фронте — или хотя бы в серьезном семейном конфликте, что по уровню стресса примерно одно и то же, — знает: тишина бывает разной. Бывает тишина благостная, когда слышно, как остывает чайник и тикают часы. А бывает тишина оперативная. Это когда противник залег в окопы, чистит оружие и сверяется с картой местности.

Три недели мы жили в оперативной тишине.

Ксюша превратилась в невидимку. В домового эльфа из «Гарри Поттера», только без наволочки на голом теле. Она приходила из школы, молча ела, мыла за собой посуду (и за нами тоже, если успевала перехватить тарелку), делала уроки и исчезала в своей комнате. Никаких подруг, никаких звонков, никаких «свит».

Лиза, обладающая памятью аквариумной рыбки и сердцем матери Терезы, начала оттаивать уже на третий день.

— Паш, слушай, ну может, и правда наговорили? — шептала она мне перед сном, положив голову на плечо. — Ну посмотри на неё. Она же мухи не обидит. Ну, сорвалась один раз, с кем не бывает? Переходный возраст, гормоны, стресс… Она помолчала, теребя край одеяла, а потом добавила виновато: — Это всё эти гребаные воспоминания, Паш. Дежавю чертово. Вот я и бросилась сразу обвинять девоч-

ку, даже не разобравшись толком. Наверное, всему виной то, что я не перестаю видеть в ней сестру. Просто зациклилась на этом сходстве, вот крыша и едет. Ищу черную кошку в темной комнате, а её там нет. Проецирую свои страхи на ребенка. Сама придумала проблему, сама испугалась. Прости меня пожалуйста.

Я с облегчением выдохнул и поцеловал её в макушку.

— Ну наконец-то, Лиз. Дошло. Я же говорил тебе. Она нормальная. Просто ей нужно время и тепло, а не наши подозрения.

Я был доволен. Моя картина мира снова стала цельной и правильной. Худой мир лучше доброй ссоры, особенно когда этот мир обеспечивает тебе спокойствие и уверенность в собственной правоте, плюс горячий ужин и выглаженные рубашки.

Тем более, что и классная руководительница, Марина Сергеевна, женщина с голосом стереотипного советского завуча, привыкшего перекрикивать школьный звонок, по телефону пела дифирамбы.

— Ксения? Идеальный ребенок. Скромная, тянет руку, на переменах сидит с книжкой. Мы нарадоваться не можем. Видимо, тот инцидент был недоразумением, Павел Сергеевич. Дети иногда бывают жестоки, могли и оговорить новенькую.

Я слушал и самодовольно улыбался. Ну вот же. Я так и знал. Директор просто прикрывал свой зад и своих мажоров, а Ксюша действительно была жертвой. Хорошая она де-

вочка. Просто к ней подход нужен, который я, в отличие от остальных, сумел найти.

Прорыв случился в пятницу вечером. Мы сидели в гостиной. Я смотрел новости, Лиза листала что-то в телефоне. Ксюша вошла, постояла у двери, теребя край футболки. Вид у неё был такой, словно она собиралась признаться в убийстве Кеннеди.

— Дядя Паша… — голос тихий, дрожащий. — Можно вас попросить? Я нажал «Mute» на пульте.

— Валяй.

Она подошла ближе, опустила голову. Щеки залились пунцовой краской. Натурально так, хоть сейчас на сцену МХАТа. — Я… я хотела спросить… Можно мне сережки? Уши проколоть.

Лиза тут же встрепенулась, отложив телефон.

— Ксюнь, ну куда тебе? — она улыбнулась, но как-то натянуто. — Рано еще. Уши болеть будут, заживает долго, ещё не дай бог загноятся. Я вон свои первые только в девятнадцать надела. И ничего, жива.

Ксюша подняла на неё взгляд. На секунду, всего на долю секунды, маска «бедной сиротки» сползла.

— Ну конечно, — сказала она. Голос был ровным, без эмоций. — Ты же детдомовская. Откуда у тебя в детстве золото? Государство сережки не выдает.

В комнате повисла тишина. Такого даже я не ожидал, если честно. Лиза замерла с открытым ртом, как будто полу-

чила пощечину. Ксюша, кажется, поняла, что перегнула палку. Тумблер переключился обратно. Губы задрожали, глаза наполнились влагой.

— Ой… Тетя Лиза, прости! — она всхлипнула. — Я не хотела! Само вырвалось! Прости, пожалуйста! Просто… просто, ну… в классе у всех девочек есть. У всех! А я одна как… как оборванка. Они надо мной угорают. Говорят: «Что, у твоих опекунов денег нет? Нищебродка пензенская». Она закрыла лицо руками.

— Алиса вчера предложила мне свои старые отдать. Говорит: «На, носи, у меня всё равно валяются, выкинуть жалко, а тебе… тебе сойдет». Представляешь, типа с барского плеча. Дядя Паша, мне так стыдно было…

У меня внутри что-то перемкнуло. Я не люблю, когда меня берут на «слабо». И я ненавижу, когда мою семью — пусть даже такую странную, наспех скроенную семью — называют нищебродами. Это задевало мое мужское самолюбие. Мою способность быть вожаком стаи.

— Так, — я встал. — Хватит тут… сырость разводить.

— Паш, — подала голос Лиза. Она всё еще выглядела растерянной, но пыталась держать лицо. — Ну зачем тратиться? У меня лежат те, ну, помнишь, с фианитами, я их сто лет не ношу. Пусть возьмет, они хорошие, золотые…

Я посмотрел на жену.

— Лиз, ты слышала, что она сказала? «С барского плеча». Ты хочешь, чтобы она твои донашивала? Чтобы в шко-

ле опять пальцем тыкали? Мажорки эти прошаренные, сразу просекут, что это старьё.

— Но они почти новые…

— Нет, — отрезал я. — Мы поедем в ювелирку и купим нормальные. Новые. Свои. Ксюша перестала плакать мгновенно. Шмыгнула носом и посмотрела на меня глазами побитой собаки, которую вдруг пустили на диван.

— Спасибо, дядя Паша…

В ювелирный мы поехали в субботу. Торговый центр гудел как улей. Ксюша шла рядом со мной, гордо выпрямив спину, и поглядывала на витрины с видом знатока. В магазине она не стала бросаться к стойке с бабочками и цветочками, как сделала бы любая нормальная двенадцатилетка. Нет. Она подошла к витрине с классикой.

Продавщица, скучающая девица с нарощенными ресницами, похожими на щетку для обуви, оживилась.

— Что подбираем? Для дочки?

— Для племянницы, — поправила Лиза сухо. Она стояла чуть в стороне, всем своим видом показывая, что не одобряет это разбазаривание семейного бюджета.

Ксюша игнорировала Лизу, типа пусть бухтит, какая разница, всё уже и так решено. Она склонилась над стеклом, глаза заблестели.

— А вот эти, — она ткнула пальцем в изящные золотые колечки с небольшим английским замком и маленьким, но чистым камушком. — Это ведь топаз?

— Правильно, — удивилась продавщица. — Лондонский топаз. Очень хороший выбор. Строго и со вкусом.

— А проба какая? — деловито осведомилась Ксюша. — 585-я? А замок надежный? Щелкает хорошо? Не отвалятся?

Я смотрел на неё и диву давался. Откуда? Откуда эта сирота казанская… то есть пензенская знает про английский замок и пробы? Хотя… с их-то школой. Наверняка «подружки-змеюшки» просветили.

— А давайте эти, — сказала она таким уверенным тоном, как будто не золото выбирала, а яблоки на рынке. — Они… правильные.

Цена была... Ну, такая... серьезная цена. Но не смертельно, переживем. Лучшее, как говорится, детям. Я достал карту. Пока продавщица упаковывала коробочку, я смотрел на выбранные сережки. Что-то в них было. Какое-то смутное, еле уловимое дежавю. Маленькие золотые капли с глубокой синевой внутри. Где я их видел? Кто-то из бывших носил? Или у мамы? Память буксовала, выдавая «Ошибку 404».— Носите на здоровье, — прощебетала девица, протягивая пакет.

Домой ехали в странном настроении. Ксюша прижимала пакет к груди, как святыню. Лиза смотрела в окно, поджав губы так, что они превратились в тонкую ниточку.

Скандал — если это можно назвать скандалом — случился вечером. Ксюша ускакала к себе, мерить обновку перед зеркалом (хотя уши еще не были проколоты). А Лиза доста-

ла с полки наш старый фотоальбом. Тот самый, который мы завели в начале наших отношений, когда еще пытались получше узнать друг друга.

— Паш, иди сюда.

Я подошел. Она открыла альбом на первой странице и буквально ткнула меня носом. Фотография почти трехлетней давности. Мы на шашлыках у Генки на даче. Лиза смеется, запрокинув голову, ветер треплет волосы. На ней джинсовая куртка и… Я почувствовал, как холодок пробежал по затылку. В ушах у Лизы блестели те самые сережки. Золотые капли с лондонским топазом. Один в один.

— Я их потеряла через месяц после этого фото, — тихо сказала Лиза. — Одна расстегнулась в метро, вторую я с горя куда-то засунула. Но я их любила. Очень. Я тебе рассказывала. Помнишь?

Ага... конечно, помню, как же. Редкий мужик запоминает, что там у бабы в ушах. Тем более три года назад. Тем более, если не сам их покупал. Мы на другое обычно смотрим, чуть пониже. Но Ксюша… Ксюша видела этот альбом. Я краем глаза заметил, как она его листала пару недель назад, когда я работал, а она сидела рядом на диване.

— Она выбрала их специально, — сказала Лиза потухшим голосом. — Она не просто тыкнула пальцем. Она искала именно такие.

— Лиз, ну перестань, — я попытался отмахнуться, хотя внутри всё сжалось. — Совпадение. Ну топазы… они сейчас

в моде. Девчонки наверняка в школе посоветовали.

— Совпадение? — она подняла на меня глаза. В них плескался страх. — Паша, она стирает меня. Она хочет стать мной. Той версией меня, которую ты полюбил тогда. Молодой, веселой, без проблем. Ты не видишь?

— Ты бредишь, — рявкнул я, потому что лучшая защита — это нападение. — Это просто сережки! Кусок металла!

В этот момент в комнату влетела Ксюша.

— Дядя Паша! Смотри! Я приложила! Она подбежала ко мне, прижимая сережку к мочке уха. Глаза сияли. — Красиво? Тебе нравится? Она повисла у меня на шее, прижалась всем телом. — Спасибо! Ты самый лучший мужчина на свете! Она потянулась губами к моему лицу. Не по-детски, не в щечку. Куда-то в уголок губ. Я замер. А потом перехватил взгляд Лизы. Она смотрела на нас не с ревностью. С брезгливостью. Так смотрят на таракана, который ползет по обеденному столу.

Ксюша тоже заметила этот взгляд. Она тут же отпрянула, ойкнула.

— Ой, тетя Лиза… Ты чего такая грустная? Хочешь, я тебе померить дам?

— Не хочу, — сказала Лиза и вышла из комнаты.

На следующий день мы прокололи ей уши. В дорогом салоне, пистолетом. Ксюша даже не пикнула, только сжимала подлокотники кресла так, что костяшки пальцев побелели.

— Носить пока нельзя, — сказал мастер. — Сначала ме-

дицинские гвоздики, месяц, пока заживет.

— Я подожду, — серьезно сказала Ксюша, глядя на свое отражение в зеркале. — Я умею ждать.

Мы вышли на улицу. Осень уже вступала в права, ветер срывал желтые листья и швырял их под ноги. Ксюша шла рядом, держа меня под руку.

— Дядя Паша, а ты меня будешь любить, даже когда я вырасту? — вдруг спросила она.

— Буду, — сказал я на автомате.

— Сильнее, чем тетю Лизу?

Я споткнулся. — Ксюша, не говори ерунды. Это разная любовь.

— Разная, — согласилась она. — Конечно. Тетя Лиза старая. А я новая. Она засмеялась, и смех этот был легким, звонким, как серебряный колокольчик. Или как звук падающей гильзы на бетонный пол. Я посмотрел на неё и впервые подумал: а ведь Лиза права. Она не просто манипулирует. Она ведет захват территории. И я, кажется, уже сдал первый рубеж обороны без боя.

Есть в биологии такое понятие — мимикрия. Это когда безобидная муха притворяется осой, чтобы её не сожрали. Или, когда хищная орхидея притворяется самкой пчелы, чтобы приманить глупого самца. В нашем случае происходило что-то третье. Жуткое, если вдуматься, но я тогда думать не хотел. Я хотел смотреть.

Ксюша меняла кожу. День за днем, неделя за неделей

из неё выветривалась угловатая двенадцатилетняя пацанка. Исчезали джинсы с дырками на коленях, растянутые толстовки с дурацкими надписями. Их место занимали вещи… странные. Она выпрашивала одежду. Не требовала, нет. Она включала какую-то анимэшную мимимишку — огромные глаза, дрожащая нижняя губа, сложенные ладошки.

— Дядя Паша, ну пожалуйста… Ну посмотри, какое платье. Оно же элегантное. Как у взрослой.

И я покупал. Платья-футляры. Узкие юбки-карандаш. Классические блузки. Сами по себе эти вещи были нормальными, практически офисными, но на ней они смотрелись... пугающе взросло. Но фокус был в другом. Однажды я наткнулся на старый жесткий диск с фотографиями трехлетней, или около того, давности. Мы с Лизой тогда только начинали. Конфетно-букетный период, гормоны вместо мозгов, вся жизнь впереди. Лиза на тех фото была… огненной. Стильной, дерзкой, в тех самых платьях по фигуре. Ксюша одевалась не как подросток. Она копировала стиль Лизы трехлетней давности. До мелочей. До манеры повязывать шарфик.

Нынешняя Лиза, скажем честно, сдала позиции. Брак — это ведь не только «в горе и в радости», это еще и неизбежная энтропия быта. Лиза расслабилась. Уютные пижамы с мишками, халаты, пучок на голове, лишние пять килограммов на боках, которые она называла «приятной округлостью». Она стала домашней, мягкой и… предсказуемой. Ксюша на её

фоне выглядела как ремастеринг старой игры в 4К разрешении.

Утро теперь начиналось не с кофе, а с очереди в ванную. Ксюша запиралась там на сорок минут. Выходила — как на красную дорожку. Волосы — волосок к волоску, распущенные, блестящие. Лицо — легкий, почти незаметный макияж, который делал глаза еще больше, а губы — ярче. Никаких пижам, только ночью, когда никто не видит. Даже к завтраку она выходила в домашнем платье, которое сидело на ней как влитое.

А потом случилась история с духами. «Kenzo». Старый, еще тот выпуск, в изогнутом флаконе. Лиза душилась ими на свадьбу, а потом флакон перекочевал в дальний угол шкафа. В один из вечеров я пришел с работы, Ксюша встретила меня в прихожей, помогла снять пальто. И меня накрыло запахом. Свежий лотос, мята, что-то сладкое… Я замер, вдохнул полной грудью. Меня отбросило на три года назад, в тот день, когда я стоял у алтаря и думал, что я самый счастливый мужик на планете.

— Лиза… — вырвалось у меня.

— Это я, дядя Паша, — тихо сказала Ксюша, поднимая на меня сияющие глаза. — Тетя Лиза разрешила. Вкусно пахнет? Тебе нравится? Я моргнул, прогоняя наваждение. Передо мной стояла девочка. Но пахла она моей любимой женщиной.

— Нравится, — хрипло сказал я. — Очень.

Лиза, услышав наш разговор из кухни, уронила крышку от кастрюли. Грохот был такой, будто рухнул потолок. В тот вечер она не разговаривала с нами обоими. Напряжение в доме достигло такого накала, что почти ощущалось физически. Лиза мрачнела, уходила в себя, все чаще запиралась в спальне. А Ксюша цвела. Я пару раз оговаривался. Сидим за ужином, прошу передать соль. Смотрю на ухоженную руку, на знакомый изгиб брови…

— Лиза, передай… тьфу ты. Ксюша.

Ксюша улыбалась — загадочно, как Мона Лиза. А настоящая Лиза бледнела, сжимала вилку так, что белели костяшки, и молча выходила из-за стола. Это была война. Тихая, холодная, без выстрелов. Война за идентичность.

Третья годовщина. Третье ноября. Мы собирались в ресторан. Пафосное место на набережной, свечи, живая музыка, ценник, похожий на номер телефона. Ксюша готовилась к этому дню как к коронации. Она копила карманные деньги два месяца. Экономила на школьных обедах, не покупала мороженое. Ну и я, грешным делом, подкидывал время от времени. Я думал — копит на какую-нибудь игрушку или гаджет.

За день до праздника она вернулась из школы поздно.

— Смотри, дядя Паша! Она протянула мне руки. Я остолбенел. Маникюр. Длинные, идеальной формы ногти. Сложный, дорогой дизайн: на темно-бордовом фоне золотая вязь, какие-то стразы, вензеля. Это был именно тот маникюр, ко-

торый я пару месяцев назад показывал Лизе в инстаграме. «Смотри, Лиз, классно же? Сделай такие, тебе пойдет». Лиза тогда отмахнулась: «Паш, ну ты чего? С такими когтями ни посуду помыть, ни прибраться. Это для бездельниц». А Ксюша запомнила.

— Нравится? — она пошевелила пальчиками.

— Охренеть, — честно сказал я. — Ксюха, ты даешь. Дорого небось?

— Для тебя — ничего не жалко, — улыбнулась она.

В этот момент в коридор вышла Лиза. В халате, с мокрой головой. Посмотрела на руки племянницы. Потом на меня. Я увидел, как в её глазах что-то погасло. Не просто обида — безнадежность.

— Шлюха малолетняя, — прошептала Лиза. Тихо, почти одними губами. Потом развернулась и ушла в спальню. Щелкнул замок. Мы с Ксюшей переглянулись.

— Она просто завидует, — шепнула Ксюша, прижимаясь плечом к моему локтю. — Не обращай внимания, дядя Паша. У неё возраст.

В ресторан Лиза всё-таки поехала. Скандалить и отменять праздник она не умела. Но лучше бы мы остались дома. Лиза надела свое "выходное" черное платье, которое, увы, стало ей тесновато в груди и талии. Она выглядела уставшей, макияж лег неровно, руки — без маникюра, просто коротко остриженные ногти — она прятала под столом. Ксюша сияла. Я не знаю, как она это сделала, но выглядела она не на двена-

дцать. И даже не на четырнадцать. Ей можно было дать… ну лет шестнадцать точно. Туфли на каблуках (где она их взяла? Лиза разрешила свои взять?), платье цвета электрик, укладка как из салона. И запах. Тот самый «Kenzo». Она затмила Лизу. Полностью. Как сверхновая звезда затмевает тусклую лампочку в подъезде. Посетители оборачивались. Мужчины за соседними столиками кидали заинтересованные взгляды, а потом, разобравшись в возрасте, смущенно отводили глаза.

Но самое страшное началось, когда подошел официант. Молодой парень, студент, явно замотанный.

— Добрый вечер, готовы сделать заказ? Ксюша посмотрела на него. И в этом взгляде не было ни капли той милой девочки, которая варила мне кофе по утрам. Она посмотрела на него как барыня на холопа, который посмел войти в барскую спальню без стука. Брезгливо. Через губу.

— Меню грязное, — сказала она, брезгливо отстраняя кожаную папку наманикюренным пальцем. — Замените. Парень растерялся.

— Простите?

— Вы глухой? — голос у неё был ровный, ледяной, с металлическими нотками. — Папка жирная. Принесите чистую. И сок. Свежевыжатый апельсиновый. И проследите, чтобы он был именно свежевыжатый, а не из пакета «Добрый», как вы обычно бодяжите. Я отличу.

Я поперхнулся водой. — Ксюша! — осадил я. — Веди себя прилично.

Она тут же повернулась ко мне, и лицо её мгновенно разгладилось, превратившись в маску ангела.

— Дядя Паша, ну а что? Мы платим деньги. Мы хотим сервиса. Ты же сам говорил, что надо уважать себя.

Официант ушел, красный как перезревший помидор. Мне было стыдно. Этот диссонанс резанул меня по нервам. Она играла роль. Для меня — роль любящей дочери (или кого-то еще?). Для Лизы — роль соперницы. А для остального мира — роль высокомерной стервы, знающей себе цену. Откуда это в ней? Из пензенского интерната? Вряд ли. Там так не учат.

За столом Ксюша солировала.

— Тетя Лиза, какая ты сегодня… уютная, — щебетала она, поднимая бокал с соком. — Дядя Паша, ты такой красивый в этом костюме! Я так счастлива, что вы у меня есть! Вы — моя настоящая семья. Я вас так люблю! Она говорила тосты, шутила, вспоминала смешные случаи. Она была душой компании.

Лиза сидела, уставившись в тарелку с салатом «Цезарь». Она почти не ела. Пила вино, бокал за бокалом, молча. В какой-то момент, когда Ксюша отошла "попудрить носик" (еще одна взрослая фразочка), Лиза подняла на меня мутный, пьяный взгляд.

— Паш, — сказала она тяжело. — Она нас сожрет.

— Лиз, ну хватит, — поморщился я. — Ну переигрывает девка, старается. Ей просто хочется быть красивой.

— Она носит мою кожу, Паша, — прошептала Лиза. — Она забрала мои духи, мои жесты, мою внешность. Теперь она заберет тебя. А меня выкинет, как старые сережки.

— Ты пьяна, — отрезал я.

Вернулась Ксюша. — Ой, а чего вы такие скучные? — она плюхнулась на стул, обдав меня волной знакомого аромата. — Давайте танцевать! Дядя Паша, пригласи даму! Она протянула мне руку. Тонкую, с бордовым хищным маникюром. И я пошел. Я танцевал с ней медленный танец, чувствовал её ладонь на своем плече, видел её сияющие глаза совсем рядом. И мне было страшно. Потому что я понимал: Лиза права. Но еще страшнее было то, что меня не покидало ощущения, что я танцевал с призраком. С воспоминанием о той Лизе, которую я когда-то полюбил и которую мы оба потеряли в быту. Ксюша вернула мне это воспоминание. Она стала живым воплощением моей ностальгии.

Дьявол не приходит с рогами и копытами. Он приходит с идеальным маникюром, запахом твоих любимых духов и говорит тебе то, что ты так давно хотел услышать. И ты веришь, потому что хочешь верить.

Глава 4

Ноябрь в наших широтах — это не месяц. Это диагноз. Небо ложится на крыши серым мокрым брюхом, и света не бывает сутками. В такую погоду хочется либо повеситься, либо пить. Лиза выбрала второе.

Её деградация происходила не рывками, а как-то плавно, тягуче, словно сползание ледника. Сначала это называлось «бокал к ужину для снятия стресса». Потом бутылки красного сухого стали исчезать из бара с пугающей скоростью. Она стала рыхлой. Не только внешне — внутренне. Взгляд расфокусированный, движения вялые, вечная забывчивость.

— Лиз, ты рубашки в химчистку сдала?

— Ой… Паш, забыла. Завтра. Честное слово.

— Лиз, а почему в холодильнике мышь повесилась?

— Ну не успела я! Голова болела!

И тут же, как чертик из табакерки, появлялась Ксюша.

— Дядя Паша, не ругайся. Я там котлет нажарила, пока уроки делала. И рубашку я твою сама постирала, она уже высохла, я поглажу сейчас. Она говорила это тихо, опустив ресницы, и в голосе её звенело такое вселенское терпение, что я чувствовал себя последней скотиной. Ору на больную (ну, пьющую) жену, а тут ребенок-герой.

Ксюша работала на контрасте. Лиза — в пятнах от вина, с немытой головой. Ксюша — свежая, пахнущая мятой

и «Кензо», в отглаженной блузке. Лиза — забывает оплатить интернет. Ксюша — приносит мне телефон: «Дядя Паша, там напоминалка пришла, давай я оплачу с твоей карты, чтобы тебя не отвлекать?». Это была безупречная, ювелирная работа по смене караула. Ксюша не просто заняла место хозяйки. Она аккуратно, пальчиком, выпихнула Лизу с этого постамента.

А еще были жалобы.

— Дядя Паша, — шептала она мне вечером, когда Лиза уже храпела в спальне. — Она меня сегодня опять… обзывала.

— Как?

— Плохо. Шлюхой называла. Подстилкой. Сказала, что я из тебя деньги сосу. Ксюша плакала — беззвучно, красиво, так, чтобы одна слеза катилась по щеке, не портя макияж. Я зверел. Пытался говорить с Лизой, но нарывался на глухую стену отрицания.

— Ты веришь ей? — Лиза смотрела на меня мутными глазами. — Паша, ты идиот? Она же врет как дышит!

— Лиз, проспись, — бросал я и уходил спать на диван. Или к Ксюше, посидеть перед сном, «успокоить ребенка».

К концу ноября ситуация накалилась до предела. Воздух в квартире стал густым, электрическим. Достаточно было искры.

В тот вечер Лиза перебрала капитально. Повод был пустяковый — какая-то годовщина чего-то там, о чем я забыл.

Она выпила почти две бутылки в одно рыло, побродила по квартире, натыкаясь на косяки, и вырубилась в спальне еще в девять вечера. Я посидел на кухне, посмотрел в темное окно. Тоска грызла такая, что хотелось выть. Жизнь, которая еще полгода назад казалась понятной и распланированной, летела под откос. И самое страшное — мне было всё равно. Потому что рядом, в соседней комнате, был источник света. Я лег спать около одиннадцати. Лиза спала тяжело, с присвистом, от неё несло перегаром так, что я отвернулся к стене и накрылся одеялом с головой.

Я уже проваливался в сон, в ту вязкую дрему, где реальность мешается с бредом, когда услышал скрип двери. Шаги. Тихие, босые. Шлеп-шлеп-шлеп по паркету. Одеяло с моей стороны приподнялось. Я дернулся, открыл глаза.

— Дядь Паш… — шепот. Ксюша. В тусклом свете уличного фонаря она показалась мне… Лизой. Той, прежней. На ней была шелковая сорочка моей жены. Та самая, которую я дарил ей на прошлую годовщину и которую она давно не надевала. На Ксюше она висела мешком, бретельки спадали с худых плеч, но этот силуэт… Меня прошиб озноб. Реально, как будто температура в комнате скакнула градусов на пять вниз. И тут я увидел плюшевого медведя. Старый, еще мой детский, с оторванным ухом, которого у меня рука не поднималась выбросить (Ксюша нашла его в коробке в своей комнате и теперь постоянно спала с ним), прижатый к груди. Жуткий диссонанс. Чужая взрослая одежда, запах Лизиных

духов и детская игрушка.

— Ты чего? — спросил я хрипло, приподнимаясь на локте.

— Мне страшно, — она всхлипнула. Дрожала она так, что кровать вибрировала. — Мама снилась. Горела. Она кричала… Дядя Паша, можно я с тобой? Пожалуйста… Я не могу там одна. Она не ждала разрешения. Она просто юркнула под одеяло. Ко мне. Не в ноги, не с краю. Она прижалась ко мне всем телом, ища защиты. Ледяные ступни, мокрая от слез щека на моем плече.

— Тише, тише, — я машинально обнял её, погладил по голове, как маленькую. Волосы пахли Лизиным шампунем и Лизиными же духами. — Это просто сон. Всё хорошо. Я здесь. Она вцепилась в меня, как клещ. Дыхание — мне в шею. Я лежал, боясь пошевелиться. Мне было неловко, странно, неуместно. Взрослая кровать, ночь, чужой ребенок у меня под боком... Но выгнать её сейчас, трясущуюся от ужаса, было бы зверством. Я чувствовал себя заложником ситуации.

Внезапно включился свет. Вспышка была яркой, болезненной, как взрыв сверхновой. Я зажмурился.

— АХ ТЫ Ж ТВАРЬ! Крик Лизы был похож не на человеческий голос, а на звук рвущегося металла. Я открыл глаза. Лиза стояла у выключателя. Растрепанная, в старой футболке, лицо перекошено от ярости. Глаза — белые от бешенства.

— Сука! Малолетняя блядь! — орала она, брызгая слю-

ной. — Я так и знала! Я знала! Прямо в моей постели?! С моим мужем?! Ксюша взвизгнула и еще сильнее вжалась в меня, пряча лицо у меня на груди.

— Тетя Лиза, нет! Мне страшно было!

— Страшно тебе?! Я тебе сейчас покажу страшно!

Лиза рванулась к кровати. Она схватила с тумбочки вазу — тяжелую, из богемского стекла, подарок моей мамы. Всё произошло за доли секунды. Я успел только дернуться, закрывая собой Ксюшу. Ваза пролетела в сантиметре от моего уха и врезалась в стену. Звон, осколки брызнули во все стороны. Один полоснул меня по плечу, но я даже не почувствовал боли.

— Я убью тебя! — визжала Лиза, пытаясь схватить Ксюшу за волосы. — Вон отсюда! Вон из моего дома! Она была страшна. Пьяная, разъяренная фурия. Она молотила руками по одеялу, по мне, пытаясь достать девочку.

— Лиза, стой! — я перехватил её руки. — Успокойся! Ты убьешь её!

— И убью! Задушу своими руками!

Я скрутил её. Жестко, по-мужски. Прижал к полу. Она вырывалась, кусалась, выла.

— Уходи! — крикнул я Ксюше через плечо. — Живо в свою комнату! Запрись!

Ксюша, прижимая к груди медведя, пулей вылетела из комнаты. Я успел заметить её лицо. Там не было страха. Там было торжество. Абсолютное, ледяное торжество игрока, ко-

торый только что сорвал банк.

Лиза затихла подо мной минут через пять. Просто кончились силы. Она обмякла и зарыдала — горько, страшно, по-бабьи.

— Пашка… — выла она, размазывая слезы по лицу. — Пашка, что же мы наделали? Зачем мы её пустили? Она же дьявол… Она нас съела… Она вцепилась мне в плечи слабеющими пальцами и затряслась в новом приступе рыданий.

— Я так и знала… так и знала… — шептала она, срываясь на хрип. — Это она! Маша! Это проклятие… Она у меня всегда всё забирала… Игрушки, радость, жизнь… и эта заберет. Всё заберет. Тебя уже почти забрала…

Я сидел на полу, прижимая к себе пьяную, рыдающую жену, смотрел на осколки вазы и чувствовал, как по руке течет кровь. И понимал, что вазу склеить можно. А вот нашу жизнь — уже нет.

В ту ночь я впервые спал в гостиной, заперев дверь на ключ. И впервые мне снилось, что я горю, а Ксюша стоит рядом и подливает масло в огонь, улыбаясь той самой улыбкой Моны Лизы.

Суббота — день, когда нормальные люди отсыпаются, едят блины и планируют поход в «Ашан». Наша суббота началась с разминирования. Квартира напоминала поле боя после артподготовки. Осколки вазы я убрал ещё ночью, но ощущение битого стекла осталось — оно висело в воздухе, скрипело на зубах, кололо подушечки пальцев.

Ксюша вышла из комнаты только тогда, когда я занял позицию на кухне. Вышла, как партизан из леса: осторожно, озираясь. Вид у неё был такой, что хоть икону пиши «Великомученица Ксения Московская». Глаза красные, припухшие, плечи опущены. Она не села за стол, а встала за моей спиной. Буквально. Я чувствовал её присутствие лопатками, как тепловой излучатель. Она пряталась. От Лизы.

Лиза появилась минут через десять. Выглядела она... скажем так, на свой возраст плюс НДС. Лицо отекло, под глазами залегли тени цвета грозовой тучи. Она явно протрезвела, и теперь её мучило то самое, мерзкое и гадкое чувство, которое бывает, когда память подкидывает тебе файлы с пометкой «вчерашний позор», а удалить их нельзя. Только переместить в корзину, где они будут вонять вечно. Она налила себе воды. Руки дрожали. Стекло звякнуло о зубы.

— Доброе утро, — буркнул я. Чисто для протокола. Лиза не ответила. Она смотрела на Ксюшу, которая при моих словах сжалась и вцепилась в мою футболку сзади.

— Ксюш, — голос у Лизы был хриплый, как у прокуренного джазмена. — Ты... иди завтракать.

— Я не хочу, — пискнула Ксюша из-за моей спины.

Лиза вздохнула, поставила стакан. Видно было, что ей хочется провалиться сквозь землю, но остатки гордости держат на плаву.

— Слушай, — Лиза потерла висок. — Я вчера... ну, перебрала. Бывает. Нервы. Ты извини, что накричала.

И тут Ксюша пошла в атаку. Она не стала принимать извинения. Она сделала шаг в сторону, выглянула из-за моего плеча и затараторила. Быстро, сбивчиво, глотая окончания слов — идеальная истерика испуганного ребенка.

— Тётя Лиза, я правда не хотела! Мне мама приснилась! Она горела, понимаешь? Вся в огне, волосы горят, и она кричит: «Ксюша, помоги!». Я проснулась, меня трясет, сердце вот тут колотится! Я боялась одна оставаться! Я думала, я умру от страха! А ты спала, ты храпела даже, я не могла тебя разбудить! Я просто попросила дядю Пашу полежать рядом! Просто чтобы живой человек был! Я же не сделала ничего плохого! Почему ты так? За что ты меня вазой?

Это был нокаут. Удар милосердия. Лиза побледнела ещё сильнее, хотя казалось бы — куда уж. Она молчала, глядя в окно, где серый ноябрьский дождь смывал с Москвы остатки красок.

— Я понимаю, — выдавила она наконец. — Кошмары, да. Но ты тоже меня пойми, Ксень. Я просыпаюсь, включаю свет... А ты в постели с моим мужем. И... в таком виде. Не в пижаме с зайчиками. Она кивнула на Ксюшину грудь, скрытую сейчас скромной домашней футболкой. — Со стороны это выглядело... двусмысленно.

Ксюша вспыхнула. Мгновенно. Краска залила лицо, шею, уши.

— Тётя Лиза! — в её голосе звенел праведный гнев. — Да как ты могла такое подумать?! Фу! Это же... это же грязь!

У тебя в голове одна грязь! Он же мой дядя! Он мне как папа! Я же ребенок, мне двенадцать лет! Как у тебя язык повернулся?!

Она закрыла лицо руками и разревелась — громко, навзрыд.

— Я думала, ты мне родная! А ты... ты... Она не договорила. Развернулась и бросилась прочь из кухни, громко топая пятками. Хлопнула дверь её комнаты. Щелкнул замок.

Я медленно повернул голову к жене. Внутри меня закипала холодная, злая решимость. Как вода в чайнике — сначала мелкие пузырьки, потом бурление.

— Ну что? — спросил я тихо. — Довольна?

— Паш, не начинай, — Лиза опустилась на стул, уронив голову на руки. — Я не знаю, что на меня нашло. Просто... крышу сорвало.

— Крышу тебе сорвало не просто так, — я сел напротив. — А потому что ты бухаешь, Лиза. Ты превращаешься в алкоголичку. Ты себя в зеркало видела?

— Я не алкоголичка! — она вскинулась. — Я просто устала! Я устала чувствовать себя лишней в собственном доме!

— Лишней? — я усмехнулся. — А кто виноват? Кто запустил себя до состояния пугала? Кто устраивает сцены ревности к двенадцатилетней девочке? Лиз, ты слышишь себя? «Двусмысленно». Ты ревнуешь меня к ребенку! Это клиника. Это лечить надо.

— Это не ребенок! — Лиза ударила ладонью по столу. —

Паша, открой глаза! Это баба! Хитрая, расчетливая, взрослая баба в теле подростка! Она же играет! Она специально пришла вчера, она знала, что я увижу!

— Зачем? — я развел руками. — Зачем ей это? Чтобы получить вазой по голове?

— Чтобы мы поссорились! Чтобы выставить меня сумасшедшей истеричкой, а самой остаться белой и пушистой! И у неё получилось, Паша! Ты посмотри на себя — ты же на меня смотришь как на врага народа!

— Я смотрю на тебя как на женщину, которая потеряла берега, — отрезал я. — Ты чуть не покалечила девочку. Ты напугала её до смерти. И вместо того, чтобы признать, что ты облажалась, ты городишь какой-то бред про «волка в овечьей шкуре». Это паранойя, Лиз. Чистой воды. Тебе надо завязывать с вином и идти к психологу. Или к психиатру.

Лиза смотрела на меня долго. Взгляд у неё стал пустым, мертвым.

— Знаешь, — сказала она тихо. — А ведь она добилась своего. Мы с тобой сейчас сидим и ненавидим друг друга. А она там, за стенкой, наверное, смеется.

— Дура ты, — сказал я и вышел из кухни.

Разговаривать нам больше было не о чем. Весь день мы играли в молчанку. Лиза сидела в спальне, я — в гостиной перед телевизором, тупо переключая каналы. А Ксюша... Ксюша вышла к обеду. Тихая, скромная, с красными от слез глазами. Она не пошла к Лизе. Она пришла ко мне.

— Дядя Паша, я чаю сделала. С лимоном и медом. Тебе надо, ты нервничаешь. Она поставила чашку на столик. Села рядом на диван — не вплотную, а на пионерском расстоянии. — Прости меня, — шепнула она. — Это я виновата. Не надо было мне приходить ночью. Я всё испортила.

Она шмыгнула носом и подняла на меня полные слез глаза. — Но я же не специально, дядь Паш... Честно-честно. Я свою пижаму куда-то засунула после стирки, весь шкаф перерыла — нет нигде. А мне холодно стало, я замерзла. Я заглянула к вам в гардеробную, смотрю — лежит. Красивая такая, шелковая. Я просто взяла первое, что попалось под руку. Я же не знала, что это... ну, что это Тёти Лизы любимая вещь или какая-то особенная. Я не знала, что это плохо... Я думала, это просто ночнушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.